

18+

Василий Криптонов

По ту сторону

АЛОЙ РЕКИ

Василий Кристонов

По ту сторону Алой Реки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257038

ISBN 9785448524042

Аннотация

«У вампиров свои дела, у нас – свои», – веками говорят люди, глядя на власть имущих. Они сильны и свободны, их влекут страсти, недоступные людям. Но привычный уклад рушится, когда на престол восходит король Эрлот. У людей забирают последнее – право на жизнь. Через гибнущий мир идут двое. Мальчик и девочка, сын человека и дочь павшего короля вампиров, потерявшие все, кроме друг друга и безумной надежды: добраться до берегов Алой Реки и либо умереть, либо обрести силу, что уничтожит саму смерть.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	55
Глава 4	84
Глава 5	107
Глава 6	124
Глава 7	155
Конец ознакомительного фрагмента.	168

По ту сторону Алой Реки

Василий Криптонов

Дизайнер обложки Асель Мухитова

© Василий Криптонов, 2024

© Асель Мухитова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4485-2404-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Вы должны слушаться

На заре времен люди нередко убивали вампиров, причем, без существенного численного перевеса. Тогда вечность дала вампирам возможность укрепить позиции. В отличие от смертных, они могли столетиями наблюдать и делать выводы. Так складывалась система управления, которую вернее назвать системой порабощения.

Система эта в основе имела тот непреложный факт, что люди умирают и рождаются, в то время как вампир существует постоянно. Это давало вампирам преимущество: они могли предостеречь людей от ошибок и направить по верному пути. Но куда мы направили людей?

Герцог Освик Вэссэлот «По ту сторону Алой Реки»

Глава 1

Санат

Левмир, двенадцатилетний мальчишка, томящийся от жары, поднимал из колодца ведро с водой, когда на един-

ственной дороге, ведущей к окруженной с трех сторон лесом деревне, появилась повозка. Ее тянули две невзрачные лошаденки, и все бы ничего, да только лошаденки были – чужие. Как и повозка.

Левмир замер, позабыв про жажду. Янтарного цвета глаза следили, как двое незнакомцев, соскочив на землю возле заколоченного дома, о чем-то заговорили. Один объяснял, второй больше слушал, кивал, пока рассеянный взгляд скользил по улице.

Возница Левмира не заинтересовал – обычный. Спрыгнув на землю, сразу слился с пейзажем. Может, из соседней деревни? Но что вытащило его в такую даль? Причиной, должно быть, являлся пассажир, который и привлек внимание Левмира.

Высокий стройный мужчина с очень уж бледным для разгара лета лицом казался не то грустным, не то раздраженным. Хмурится, слушая слова возницы. Холщовая одежда самая простая, но чистая и свежая, будто только пошита. Когда он поднял руку, прикрывая глаза от солнца, Левмир заметил: подмышкой, там, где у всех мужиков в это время года расплывались огромные мокрые пятна, сухо. Этот человек не казался своим.

Разговор подошел к концу. Возница запрыгнул на повозку и, один за другим, подал мужчине три объемистых тюка. Потом хрипло каркнул лошадям, и повозка, развернувшись, выехала из деревни.

Оставшийся в одиночестве мужчина заметил Левмира. Рука поднялась в шутливом приветствии, он даже подмигнул, приглашая к знакомству, и Левмир почувствовал к незнакомцу расположение. Будто его ладонь проникла в голову и выдернула оттуда все подозрения и недоверчивость.

Левмир поставил ведро на край колодца, зачерпнул ковшом, и ледяная вода освежила пересохшее горло. Тащить воду домой он не собирался – до вечера все равно станет теплой. Лучше подождать возвращения матери.

Утолив жажду, Левмир вновь наполнил ковш и пошел с ним к мужчине. Тот не смотрел на мальчика – легко, как листы от старой книжки, отрывал доски, закрывающие окна и двери. Левмир вспомнил, как мужики заколачивали дом – после того как друг за другом, с разрывом в несколько дней, умерли старые Осбар и Орвала. Детей у них не было – не сложилось. Вот и остался дом никому не нужным.

– Попьете, с дороги? – спросил Левмир, протягивая ковш.

Мужчина обернулся. Вблизи черты его лица производили скорее приятное впечатление, но выражение безграничного уныния, быстро сменившееся улыбкой, озадачило мальчика. Улыбка оказалась хорошей, от нее словно засияло все лицо. Мужчина кивнул, подавшись немного вперед, так, что Левмиру почудилось, будто он попытался поклониться, но в последний момент передумал. Взяв ковш, мужчина сделал пару глотков. Не похоже, что его мучит жажда, скорее просто не хочет отказывать мальчику.

Пока незнакомец пил, Левмир рассмотрел его ладони. Чистые, белые, с длинными пальцами. Можно подумать, эти руки никогда не знали тяжелой работы. Но как легко он отрывал доски от окон!

Мужчина вернул ковш. Левмир посмотрел незнакомцу в глаза, снизу вверх. Похоже, тот чего-то ждал, и Левмир, повинувшись интуиции, отпил воды. Мужчина улыбнулся.

– Знаешь, что давным-давно люди могли считаться друзьями только после того, как разделили воду из одного сосуда? – сказал он мягким, сильным голосом.

– Нет, – пожал плечами Левмир. – А откуда вы такое знаете?

– Читал. – Мужчина продолжал, улыбаясь, рассматривать собеседника.

– В книжке?

– Конечно. Ну что, паренек, давай знакомиться? – протянул руку. – Меня зовут Санат, я из деревни к югу отсюда.

– Левмир, – представился мальчик.

Рука Саната оказалась приятно-прохладной и сильной. Левмир почувствовал неловкость за свою мозолистую, исцарапанную ладонь.

Покончив с церемониями, Санат продолжил отрывать доски. Левмир подергал одну – не шелохнулась. Прибивали на совесть.

– Дай-ка, – подвинул его Санат.

Одной рукой рванул доску, и гвозди со стоном выскочили

из стены.

– Вы кузнец? – вдруг спросил Левмир.

– Я? Ничуть не бывало. Почему так подумал?

– У нас кузнец Балтак есть, так он тоже сильный – подковы пальцами гнет.

Санат замер. Тонкие губы шевельнулись, будто произнося беззвучное проклятие. Последние три доски отломал двумя руками.

– Запомни, Левмир, – сказал Санат, – мужчина должен быть сильным, чтобы защитить себя и близких.

– От кого защитить? – засмеялся Левмир. – Неужто у вас, на юге, дерутся?

Драки в деревне случались редко, и все больше оканчивались парой-тройкой тычков и смехом. За порядком следили староста с помощниками, а уж они-то наказывали так, что в другой раз кулаками махать никому не захочется.

Санат не ответил. Толкнул дверь, переступил через порог и поманил за собой Левмира.

Дом встретил гостей затхлым горячим воздухом. От шагов поднималась пыль, покрывшая скрипящие половицы. Душно, темно и пусто. Из всей обстановки сохранилась лишь печь, да лежак, приколоченный к полу. Остальное растащили по домам мужики, прежде чем заколотить дверь.

Санат открыл окна. Дом заполнился светом, но свежее не стало – погода тихая, ни ветерочка.

– Здесь жили старики? – спросил Санат.

Левмир кивнул.

– Ясно. Нет ничего омерзительнее запаха старости. Будь старикам присуща та мудрость, которую им приписывают, они бы не доживали до такого состояния.

Левмир содрогнулся от бесчувственности высказывания.

– Разве на юге солнце не светит? – спросил, чтобы переменить тему.

– Ты о чем? Солнце везде светит одинаково.

– Вы такой бледный...

– Ах, вот оно что... – засмеялся Санат. – Я сюда не из деревни, парень. Из города.

– Из города? – распахнул глаза Левмир. – Вы там жили? Видели вампиров? Какие они?

– Видел, видел, – вздохнул Санат, падая на лежак. – Понимаешь, Левмир, в городе я сидел в тюрьме. А туда солнце редко заглядывает.

За двенадцать лет жизни Левмир не встречал человека, который сидел бы в тюрьме. Он даже не знал, что нужно такого натворить, чтобы оказаться в тюрьме.

– Как же вы так? – пробормотал он.

Санат рассмеялся, но как-то не весело.

– Какой ты любопытный, парень. Часом, не староста?

– Нет, – мотнул головой Левмир. – Сын его.

Взгляд Саната задержался на лице мальчика.

– Интересно встретились. Скажи тогда, как твоего папку найти? Мне бы с ним поговорить. Я ведь жить здесь буду.

– А кто вам разрешил? – вырвалось у Левмира.

Санат не стал его одергивать.

– У меня бумага от лорда Эрлота, которому принадлежит деревня, – сказал, оглядываясь по сторонам, будто искал что-то. – Ах, да, я забыл вещи.

Санат вышел на улицу, Левмир сделал шаг следом.

– Лорд Эрлот? – переспросил он. – А разве наш хозяин не герцог Освик?

Санат занес два тюка, бросил их на лежак, видно, избегая пыльного пола. Лицо помрачнело.

– Герцога казнили. Теперь деревня принадлежит Эрлоту.

– Казнили... – прошептал мальчик.

Слово звучало страшно, запредельно, как и слово «вампир». Будто пришло из другого мира, живущего по иным законам.

– За что?

– Какая тебе разница, паренек? – отозвался Санат, заноса последний тюк. – Дела вампиров нас с тобой не касаются. Они решают проблемы так, как привыкли. А мы справляемся так, как привыкли мы.

Подойдя к окну, Санат глубоко вздохнул и даже будто застонал.

– Хорошо, что к ночи разразится буря.

– Старики говорят, еще неделю так печь будет, – возразил Левмир.

Санат усмехнулся. Высокий, статный, он совсем не похо-

дил на деревенского мужика, который только и знает, как напиться, пока работы нет.

– Много они понимают, эти твои старики. Их мозг умирает и гниет, распространяя зловоние. Я говорю: сегодня будет великолепная буря!

***

Ближе к вечеру Левмир натаскал домой воды. Пришла с поля мать, высокая худая женщина. Несмотря на усталость, смеялась и расспрашивала сына, как прошел день. Тот рассказал о новом соседе, мать заинтересовалась. Выглянув из окна, быстро отметила детали:

– Ишь, ставни все пораскрыл и сидит снаружи. Конечно, там сейчас дух стоит – хоть топор вешай.

– Странный он, – сказал Левмир. – Обещал бурю к вечеру. Только старики ведь...

– Тучки-то ходят, – перебила мать. – Да ладно, давай ужин мастерить. Скоро отец придет.

Принялись за готовку. Левмир чистил картошку, мать резала зелень и низким мелодичным голосом напевала древнюю песню-молитву:

*Ярко-алая река
Что течет издалека
Принеси нам к дому счастье
Жизнь людская нелегка*

Еще с далекого детства, когда мать пела колыбельные, Левмир полюбил ее голос. Он очаровывал, захватывал, уносил воображение в дальние страны. Вот и сейчас мальчик будто воочию увидел величественный ток Алой Реки, струящейся где-то за границей мира. Только благодаря голосу матери можно ее увидеть, ведь ни один человек не одолеет долгий путь через вымершие земли. Река, которая, по легендам, дала жизнь людям и вампирам, теперь оказалась недосягаемой.

*Пусть бурлит твоя волна
Нет ни отдыха, ни сна
Ты уносишь наши жизни
Ниоткуда в никуда*

Закипела вода. Мать положила овощи. Застучала деревянная ложка о стенки чугунок. Из окна задувал прохладный ветерок, приятно освежая вспотевшее лицо Левмира.

Солнце уходило, окрашивая горизонт в пунцовый цвет. Таинственное свечение разлилось по облакам, будто сама Алая Река, ответив на песню, решила явиться людям. Несла ли она с собой счастье? Да и какое оно – счастье? Разве что хороший урожай, да доброе здоровье. Но нет, не об этом пелось в песне. Чувствовалась в словах грусть, тоска по чему-то несказанному, далекому, а то и вовсе небывалому.

*Пусть пустынный берега
Нет ни друга, ни врага
Ты струишься через земли
Через годы и века*

Постепенно кухню заполнял аромат поспевающего варева. Не успел Левмир достать из шкафа три миски, как слышались шаги, отворилась дверь, и в дом ввалился отец. Высокий мускулистый мужчина, всегда напоминавший сыну крепкий молодой дуб, сейчас больше походил на подрубленную березу. Бледное, как у нового соседа, лицо не выражало никаких чувств, кроме смертельной усталости. Плечи поникли, грязные черные волосы, казалось, посерели и свисают на лоб безобразными патлами.

– Лакил! – бросилась к нему мать. Подставила плечо, помогая пройти до лавки. Отец не сел даже, а рухнул. Закрылись глаза, тяжелое дыхание раздавалось в тишине.

– Что случилось? Куда ты ходил? – лепетала сама не своя от волнения мать.

– В город, – слабым голосом произнес отец. – На донацию. Повестка была, а вчера замотался, ну сегодня и пошел...

– А чего ж пешком-то? – всплеснула руками мать. – По жаре такой.

– Вам-то на поля тоже не близко. Не хотел лошадей отнимать. Левмир, подай воды.

Сын сорвался с места, выбежал в сени и, зачерпнув из бадьи, поспешил обратно. Отец в мгновение ока опорожнил

ковш. Мать накладывала густой суп в глубокие миски.

– Сколько ж с тебя взяли? – спросила она. – Ты же раньше так не шатался.

– Сколько давал, столько и взяли, – улыбнулся отец. – Не шуми, мать. Выживу.

Он наклонился, и лишь теперь Левмир заметил у него в руке пузатый мешок. Отец распустил тесьму, на столе появились кульки с конфетами, пряниками и печеньями. Следом забренчали бутылки: сливовый сироп, газированная вода, яблочный и грушевый сок.

Мать улыбнулась, покачала головой.

– Ну что ты все как дите малое? – сказала она. – А ну как помер бы там, на дороге, с мешком своим?

– Чего мне помирать-то? – возмутился отец. – Я еще знаешь, сколько переживу? Таких цифер даже ученые вампиры не знают! А это все... Ну, надо же иногда сына порадовать, да, Левмир?

Левмир обнял отца, ничего не говоря. Он предвкушал, как быстро расправится с супом и возьмет большой пряник в виде толстой улыбающейся свиньи. А как вкусно будет запивать его разбавленным сливовым сиропом!

Отец вынул из-за пазухи кошель, в котором побрякивало еще немало монет, и протянул жене.

– Спрячь-ка. Я через пару дней в силу войду – поедем вместе в город, надо вам обновок купить.

Едва мать убрала со стола лишнее, как послышался осто-

рожный стук в дверь. Лакил нахмурился, взглядом велел сыну открыть. За окном почти стемнело, ветер стал сильнее и холоднее. Пришлось затворить ставни. Пяток лучин тлеют в светцах, не столько разгоняя тьму, сколько порождая сотни теней, пляшущих и извивающихся по стенам, как злые духи из сказок.

– Кто там? – спросил Левмир, подбежав к двери. В сенях стало прохладно. Будто даже прохладнее, чем на улице.

– Привет, паренек! – Знакомый голос. – Я это, Санат. Хочу поговорить с твоим отцом. Пустишь?

– Подождите!

Левмир вбежал в избу и коротко доложил:

– Это наш новый сосед, его зовут Санат. Он поселился в доме Осбара сегодня. Хочет с тобой поговорить.

Подумав, отец кивнул.

– Пусть войдет. Юдера, поставь еще миску.

Левмир открыл дверь. Санат улыбнулся ему, стоя на пороге.

– Не помешаю?

– Отец сказал, можно, – отозвался Левмир. – Заходите скорей, дует.

Санат переступил порог, Левмир запер за ним дверь.

– Пойдемте, сюда, – поманил гостя мальчик.

Санат вошел в избу и полупоклоном поприветствовал хозяев.

– Счастья вашему дому. Меня зовут Санат, по распоряже-

нию лорда Эрлота буду жить в пустующем доме напротив. Днем я познакомился с вашим сыном, он был так любезен, что помог мне освоиться на новом месте. Я всего лишь хочу засвидетельствовать почтение и уладить все формальности как можно скорее.

Лицо Саната, несмотря на благожелательное выражение, казалось пугающе белым в полумраке.

Подойдя к старосте, передал сложенный вчетверо лист и застыл в ожидании. Лакил развернул бумагу. Долго, обстоятельно читал, шевеля губами. Левмир отметил, что он так же бледен, как новый сосед. Может, у Саната брали кровь в городе? Нет, вряд ли. Отец пришел чуть живой, а Санат одной рукой отрывал доски, которые Левмир не мог даже пошевелить.

Лакил поднял взгляд на гостя, коротко кивнул, возвращая бумагу.

– Ну что ж, приветствую. С новосельем. – Отец протянул руку, поднявшись со скамьи.

Левмир заметил, что правая ладонь Саната все время прячется за пазухой. Он сжимал там что-то, и теперь должен это достать. Холодный пот выступил на лбу мальчика, рот открылся – крикнуть, остеречь отца, но не смог подобрать слов и только пискнул что-то внезапно сломавшимся голосом.

Санат вытянул руку из-под куртки. Левмир перевел дух, увидев оплетенную бутылку из темного стекла. Перебросив

бутылку в другую ладонь, Санат ответил на приветствие хозяина дома.

– Будем знакомы, коли так, – сказал отец мальчика. – Меня зовут Лакил, я здешний староста. Это моя жена, Юдера. Ну, с Левмиром вы уж познакомились. Эй, малец, ты чего остолбенел? Кивни, что ли.

Левмир не мог пошевелиться. Сердце все еще колотилось от пережитого непонятного страха. Почему-то фигура Саната, которая днем вызывала лишь любопытство, теперь казалась страшной, исполненной смутной угрозы. Чего он ждал от этого человека? Что он вытащит нож? Глупо как-то. Невозможно представить, как Санат бежит за ними по избе, размахивая ножом. Угроза была другая. Будто само существование Саната каким-то образом означало опасность.

– Маленький подарок – вам. – Санат протянул старосте бутылку. – Это хорошее красное вино. Отлично восстанавливает силы, особенно после кровопотери. Вы ведь только что с донации? Я просто предположил, очень уж слабый у вас вид.

– Да, угадал, – проворчал отец. – Давай-ка без «выканья», не люблю я этого. За подарок спасибо, отведаем. А ты садись, поужинай с нами. Уважь.

– О, благодарю. Если не стесню вас.

Расселись вокруг стола вчетвером. Ложки застучали. Мать, уставшая на поле, ела быстро и с аппетитом, отец – без особого пыла, но тщательно пережевывал каждый кусочек.

Вино, принесенное Санатом, пил более охотно.

– Хорошее питье, – сказал, ополовинив кружку. – Прямо жар по телу разливает. В городе продают?

– Да, в городе. Есть там одна лавка – если хотите, подскажу, как найти. В других местах могут подсунуть дрянь.

Глотнув еще вина, отец задал другой вопрос:

– Долго ты в городе-то прожил? Говор совсем не наш, да и выглядишь странно.

Санат погрузился. Он ел быстро, но без аппетита. Так же, как староста, вино глотал куда внимательней.

– Я не то что жил там. Я сидел в тюрьме.

Сделалось тихо. Слышно только, как первые капли начинают барабанить по крыше. Да еще ветер выл, будто призрак.

– За что? – Лакил положил на стол ложку.

– В той деревне, откуда я родом, был один парень, из грамотных. Сам постоянно бегал в город, книжки читал. Какие покупал, какие в библиотеке изучал. Меня с собой брал часто. В общем, дружили мы с ним. Но вот он однажды затеял опасное дело. Началось все с разговоров. Ну, вроде как, посмеялись и забыли. О том, что, мол, кто так расставил все, что вампиры живут в роскоши, выкачивают из нас кровь. А мы, мол, только и успеваем, что работать. Ну, знаете, такие беседы – они везде ведутся, и ничего в этом страшного нет. Сейчас где-нибудь сидят мужики и про тебя, Лакил, нехорошо говорят, коли уж ты староста. А иной раз – до вампиров доберутся. Надо же как-то душу отводить.

– Ну, – поторопил его Лакил. – Что ж случилось-то?

– А то случилось, что слишком уж часто он про это говорить стал, – вздохнул Санат, отхлебнув еще вина. – Начитался книжек умных, и давай людям мозги промывать. Постепенно сбилось вокруг него человек двадцать, которые его разглагольствования слушали и сами бурчали понемногу. Ну, это куда ни шло, но слово за слово стали они обсуждать, как бы скинуть нашего барона. Мол, надо бы его к ногтю прижать. План простой: не идти на донацию. То есть, вообще в город не выбираться. У нас край плодородный, хороший, могли бы и без торговли прекрасно жить. Думали, значит, что барон пошлет пару-тройку своих, ну да мы их всей толпой одолеем. А там они и побоятся дальше лезть.

– Вот до чего додумались, – ахнула Юдера.

– А это сейчас вспоминать страшно, – повернулся к ней Санат. – А тогда все просто казалось. Начали-то с малого, с разговоров. А потом – умом-то уж победили, да сидим, довольные. Вампира никто еще в глаза не видел. Но вот, осмелели, устроили бунт. Пару раз донацию пропустили – ничего. А после третьего пришла бумага. Мол, срочно покрыть недоимки, иначе будут приняты меры. Посмеялись, начали готовиться. Этот, что в библиотеках сидел, каждого обучил, чего с вампиром делать. Наточили колья, топоры взяли. Он ведь как сказал – главное топором рубануть, а пока он очухиваться будет, кол ему в сердце забить – и дело с концом. Слыхали про такое?

– Слыхал, – кивнул Лакил. – Да говорят еще, силы у них – немерено. И с топором не вдруг-то сунешься.

– Силы! – хохотнул Санат. – Там помимо силы еще... Ну, в общем, дождались. Ночью они пришли. Нас – тридцать мужиков взрослых, а их – трое. Сила, говоришь? Они только улыбались, когда мы на них бросились. Колы насквозь проходят, Лакил. Насквозь! Как через туман. И топоры туда же. А уж когда он тебя за глотку хватает – вот тут уже сила чувствуется. Обезоружили нас быстро, потом скорый суд устроили. Выволокли баб, детей, давай опрашивать. Быстро выявили главных, и тут же, на месте, взяли недоимки. От зачинщиков высохшие тела остались. С других – чуть больше обыкновенной донации выпили. Ну и забрали, наверное, наугад, некоторых с собой. Меня и еще восемь человек. В город привезли, бросили в тюрьму, по разным камерам. Больше года я там сидел, и вот – выпустили.

– Хорошо хоть не убили, – пробормотал Лакил. У него слипались глаза от усталости и вина, но интерес к рассказу пересиливал. – А деньги у тебя откуда?

– Они же и дали. Я пока сидел, работал. Ну, так, кожи выделывал, табуретки сколачивал. Оказалось, за все плата начислялась. Вот и получил на руки три сотни монет. Думаю, до весны протяну, а там уж отсеюсь, как человек, да, может, скотину какую заведу. Надо на ноги становиться. Спасибо за ужин, хозяева, пойду я. Дождик зарядил, а у меня все ставни настезь.

В дверях Лакил его окликнул:

– Так что же, они вовсе не как люди, что ли?

– Не люди и не призраки, – отозвался Санат. – Как будто что-то среднее. И вся эта чушь про колы – это они сами слухи распускают. Я-то теперь знаю.

– А как же они друг друга-то убивают? – вырвалось у Левмира. Все посмотрели на него, и он, покраснев, добавил:

– Вы ведь говорили, что нашего герцога Освика казнили.

Мать ахнула и поглядела на отца. Тот кивнул.

– Да, слышал в городе сегодня. Нам-то? Был один, пришел другой. Пока вроде не меняет ничего.

При этих словах Саната передернуло. Голос изменился, сделался каким-то жестоким:

– Есть управа. Побороть их можно, но я больше пытаться не стану. Говорят же, умному раза хватит, а дураку десяти мало. Так вот, у меня этих десяти не будет.

Санат поклонился, и вот спина его скрылась за струями дождя. Закрывая дверь, Левмир заметил целую череду разветвленных молний, а потом над деревней прокатился гром, будто небо разодралось на части.

***

Левмир лежал без сна до глубокой ночи. Рассказ Саната никак не шел из головы. Живое воображение мальчика рисовало жуткую картину: темнота, мужики с топорами и колья-

ми стоят, перешучиваясь и подбадривая друг друга. Из сгустившегося тумана появляются три фигуры. Неумолимые, безжалостные, стремительные. А потом – кровь...

Должно быть, перевалило за полночь, когда дождь утих. Ветер прекратил завывать, гром растаял вдалеке, и Левмир отворил ставни. Кровать в отгороженном углу, так что мальчик не боялся потревожить родителей. Выглянув наружу, в темную безлунную ночь, Левмир вдохнул полной грудью прохладный воздух. После стольких недель жары дождь казался благословением. Страх постепенно ушел, мальчик мысленно посмеялся над собой. Испугался грозы, как маленький, а потом еще и нового соседа. Но как же он ловко предсказал бурю! Должно быть, знает какие-то приметы, о которых не догадываются старики.

Под окном клубился туман, парила после дождя перегретая за день земля. Ни звука не доносилось до ушей, кроме капанья с крыши. Левмир вернулся в постель, оставив окно открытым: скоро рассвет, и уже теплеет воздух. Умиротворенный, Левмир быстро проваливался в сон, но на границе забытья приоткрыл глаза. В оконном проеме кто-то сидел. Выкарабкалась из-за туч луна, и слабый призрачный свет озарил устроившуюся на подоконнике фигуру.

Левмир решил, что это – просто начало сна. Когда спустя мгновение легкий ветерок, подув на лицо, заставил его снова открыть глаза, подоконник пустовал. Исчезла таинственная гостья, которую он видел не дольше секунды. Такая глу-

постель – показалось, что на окне сидела красивая девочка, его ровесница. И еще... Похоже, на ней совсем не было одежды. С этой мыслью Левмир уснул окончательно.

Глава 2

И

С приходом Саната жизнь в деревне потекла по-другому. Левмир не удивлялся. Ведь никогда прежде здесь не появлялись чужаки. Санат же не просто чужак – его венчал ореол таинственности. Шутка ли – человек, целый год страдавший в тюрьме, под надзором вампиров. Каждому хотелось посмотреть на это диво, перемолвиться парой слов.

Особый интерес к Санату проявили девушки. Молодые, незамужние красавицы отмахнулись от кавалеров и стройным потоком устремились ко двору Саната. Строили глазки, зубоскалили, пекли пироги. Так продолжалось до тех пор, пока родители не учинили девкам скандал по поводу переведенных продуктов. Снеди Санату натащили столько, что он не знал, куда ее девать. С удовольствием делился с Левмиром и другими мальчишками, забегавшими в гости. А однажды ночью Левмир, выглянув в окно, увидел, как Санат во дворе копает яму. Закончив, высыпал что-то из ведра и забросал землей. Левмир усмехнулся – понятное дело, пироги начали пахнуть.

Парни, сперва отнесшиеся к Санату с любопытством, после таких событий сменили милость на гнев. Перестали здороваться, принялись злословить – ведь ни одну из девок Санат так и не приветил. А закончилось все дракой.

Близился закат. Левмир, гонявший мяч во дворе с друзьями, увидел толпу из двух десятков парней, направлявшихся к дому Саната. Смекнул, что к чему, и бросился наперерез.

– Стойте! – кричал, размахивая руками. – Я отцу скажу!

Его просто отодвинули в сторону. Саквобет, самый сильный, плечистый парень, добродушно сказал:

– Не лезь, Левмирка. Наше дело.

Левмир огляделся, но не увидел никого. Мальчишек как ветром сдуло. Остальные прятались от жары, только Исвирь, девушка из дома на краю деревни, стояла поодаль, прикрыв глаза от солнца, и смотрела на происходящее. От нее помощи ждать нечего.

Из окна заметив процессию, Санат вышел и встал, сложив руки на груди.

– Меня ищите?

– Тебя, родной, тебя, – пробасил Саквобет и, не смущаясь гордой осанкой Саната, взял его за шиворот. – Жениться тебе пора, болезный.

«Болезным» за глаза парни звали Саната из-за бледного лица.

– На тебе, что ли? – поморщился Санат и с неожиданной силой оттолкнул здоровяка. – Не интересно.

Саквобет отступил на два шага и, словно не веря себе, оглянулся на товарищей. Те отозвались глухим ропотом. Их оскорбили, их высмеяли, они нуждались в отмщении.

– Пойдем-ка, на полянку отойдем, – предложил Рабед, за-

диристый некрасивый парень, который и без Саната не купался в девичьем внимании.

– Здесь говори, если есть, что сказать, – отозвался Санат.

– Не до разговоров уже, – улыбнулся Саквобет. – Да ты не бойсь, пойдем. Личико тебе аккуратно поломаем, и дело с концом. Всех-то староста не осудит. А осудит, так ответим.

Санат, поколебавшись, кивнул. Пошел к лесу, будто король в окружении свиты. Так, во всяком случае, показалось Левмиру.

– Отцу ни слова, – бросил Санат, проходя мимо. – Не смей, слышишь?

И Левмир, готовый бежать за подмогой, послушался. Иногда Санат не говорил – приказывал. Подождав, пока толпа отойдет подальше, мальчик двинулся следом. Улица пустовала, лишь таял вдалеке силуэт бегущей девушки. Исвирь. Наверняка помчалась за старостой. А ведь Санат может подумать, что это – он! Левмир ускорил шаги.

Лес за деревней начинался как-то вдруг. Десяток шагов от последнего забора – и уже теряешься среди могучих сосен. Вся компания высыпала на полянку, посреди которой журчал ручей. Рядом с ручьем – поросшее мхом старое расщепленное бревно. На нем можно сидеть, разведя костер. На нем иногда звучат признания в любви. На нем собираются тайком выпить мужики, называя это «сходить на полянку». И еще здесь когда-то Левмир встретил вампира.

Это случилось два года назад. Осеннее солнце катилось

к закату, когда к Левмиру подбежал младший друг и, захлебываясь от восторга, сообщил, что мальчишки в лесу поймали волка и собираются казнить. Необычайность вести не оставила Левмиру выбора: он тут же подскочил и побежал вслед за проводником.

Волки в окрестностях деревни появлялись редко, но когда появлялись, мужики брали колья, рогатины, натравливали собак и шли охотиться. Волки могли зарезать овцу или даже корову, могли уволочь маленького ребенка – поговаривали, такое случалось давно, еще до рождения Левмира. Потому взрослые и не тянули с истреблением. Дети же всегда повторяли за родителями, и теперь сердце Левмира переполняла радость: надо же, ему удастся поучаствовать в казни волка, как взрослому. На бегу он не представлял себе, как это – убийство. Волк виделся свирепым страшным чудищем, а он с друзьями – отважными рыцарями, как-то героически побеждающими зверя.

Пяток ребятишек окружили бревно и хохотали, тыкая палками во что-то маленькое и серое. Рядом горел костер, заменяя свет почти угасшего солнца. Левмир подошел, и решимость истаяла, как последний солнечный лучик, запутавшийся в ветвях деревьев. На бревне не то стоит, не то лежит волчонок. Красивый серебристый мех торчит дыбом. Зверь тщетно пытался принять горделивую осанку – передняя лапа застряла в трещине, лишив возможности двигаться. Волчонок рычал, скалил зубы, но этим вызывал лишь смех мучи-

телей и новые тычки палками.

Левмир перехватил взгляд черных глаз волка. В них не было страха, только боль и... ожидание? Как будто волчонок смирился, что умрет, и просто хочет подороже продать жизнь. В этот момент что-то надломилось в душе мальчика. Он рванулся вперед, крича и расталкивая друзей. Они отступили.

– Отстаньте от него! – кричал Левмир, чувствуя, что слезы застилают глаза. – Идите отсюда! Я отцу расскажу!

Эта последняя фраза, решающий аргумент в любом споре, который Левмир применял нечасто, возымела обратное действие. Мальчишки рассмеялись.

– И что? – спросил один. – Да твой батя сам его убьет скорее. Это ж волк!

Левмир снова посмотрел в глаза волчонку. Теперь в них светился интерес. Как будто это были человеческие глаза. Левмир решился.

– Ты! – Он ткнул пальцем в одного из друзей. – Рассказать всем, как ты за своей мамкой в бане подглядывал? А ты? – Левмир указал на второго. – Твой отец знает, что ты у него самогон воруюешь?

Не помня себя, переводил палец с одного на другого, вытаскивая наружу самые гнусные секреты, выворачивая наизнанку души. Мальчишки побледнели, взгляды устремились вниз, в стороны. Нервный смешок родился и умер – нельзя уже обернуть все шуткой.

Они ушли, бросив напоследок: «Друзи с волками. Волчий друг». Но в этих словах уже ни угрозы, ни силы. Пойманный волчонок, огрызающийся на пятерых палачей, казался более опасным.

Левмир подошел к зверю. Почему-то даже мысли о страхе не появилось. Волчонок не рычал, а молча смотрел, что будет делать человек. Левмир взял одну из палок, покрепче, вставил в щель и нажал. Бревно сухо застонало, и зверь, коротко тьякнув, вызволил несчастную лапку. Левмир потянулся к ней, чтобы осмотреть, но волчонок не дался. Отскочив в сторону, подбежал к ручью и принялся лакать воду. Лапку он поджимал, не наступая на нее.

Утолив жажду, повернул голову к Левмиру и внимательно на него посмотрел, будто стараясь запомнить. А потом захромал прочь. У самой кромки леса волк исчез. Левмир моргнул, думая, что это привиделось, но волка не было. Сполохи костра явственно освещали пустую поляну. Только малюсенький черный комочек дрожит в траве. Левмир шагнул к нему, но комочек взвился в воздух, расправил крылья и затерялся между деревьев. Левмир остановился. Вот теперь холодный пот проступил на лбу.

– Вампир, – шепнули онемевшие губы.

Что теперь будет? Убьют ли вампиры его? Или только тех мальчишек? Или вырежут всю деревню? Или как-нибудь обойдется?

Левмир бросился к дому, но вспомнил о костре. Вернул-

ся, натаскал в подоле засаленной рубахи воды и залил огонь. Занятие несколько успокоило мальчика, и он отправился домой. Ночью не случилось ничего. Следующей тоже. Через неделю восстановился хрупкий мир с обиженными мальчишками. Через месяц происшествие постепенно забылось. А еще через месяц, проснувшись среди ночи, Левмир увидел на фоне яркого диска луны висящую вверх ногами летучую мышку в проеме окна. Заметив, что Левмир проснулся, мышь расправила крылья, тишину пронзил писк. Левмир проводил взглядом уменьшающийся силуэт...

Сейчас, высовываясь из-за дерева, Левмир видел Саната неподалеку от старого бревна, в окружении злых парней, и вспоминал того волчонка. Только в глазах Саната не было ничего, кроме спокойствия.

– Говори, что хотел, – обратился он к Саквобету.

Здоровяк поежился. Не привык, чтобы с ним так разговаривали. Окажись Санат таким же широкоплечим верзилкой, Саквобет начал бы драку тут же. Но Санат бледен и худ, ему полагается трястись от страха и заискивать.

– Да вот, у нас тут про девок речь зашла, – пробурчал Саквобет, потеряв весь запал. – Чтой-то они к тебе зачастили...

– По делу говори, – одернул его Санат. – Обвиняешь меня в чем?

– Да чего с ним говорить! – крикнул парнишка, стоявший дальше всех. – Бей его!

Санат перевел взгляд на крикуна.

– Просто кулаки почесать не терпится? Так и говори, нечего девок приплетать.

– А хоть бы и так! – раздался крик.

– Ну так налетайте, чего лясы точить.

Саквобет, широко размахнувшись, нанес удар. Удар этот мог бы вколотить Саната в землю, но тот отвел кулак в сторону, и Саквобет кувырком полетел через бревно. Толпа возмущенно загудела.

– Не по-людски так-то! – крикнул кто-то.

– Двадцать на одного – по-людски? – ледяным тоном спросил Санат.

Бросились сразу все. Злобно, неумело размахивая руками, подпрыгивая, атаковали спокойно защищавшегося Саната. Он медленно отступал, отражая удары, изредка бил сам. Каждый замах награждал одного из нападавших разбитым носом, валил с ног. Левмир, забыв обо всем на свете, смотрел на это чудо. Редко доводилось видеть драки – только по согласию. Но таких драк не видел он никогда. Темнота сгушалась, но еще различимы лица дерущихся. Глаза привыкают к таинственному свету полной луны.

Кто-то хихикнул. Левмир подпрыгнул от неожиданности, обернулся, но сзади оказалось дерево.

– А я-то выше! – пропел тот же голос.

Взгляд скользнул по стволу дерева, и Левмир увидел сидящую на ветке девчонку. Улыбается и болтает босыми ногами в воздухе. Левмир позабыл про драку.

Девчонка была – волшебная. Именно это слово первым возникло в голове Левмира, когда он поднял голову. Длинные чистые волосы струятся по плечам золотыми и серебряными прядками. Большие зеленые глаза искрятся смехом и лукавством. Забавно морщится носик, губы прячут улыбку, а когда она прорывается наружу, видны белые-белые, будто снег, зубки. Девчонка куталась в какую-то накидку, а то и вовсе одеяло – Левмир не мог понять, что это. Ясно лишь, что не совсем и одежда. Еще казалось, под накидкой ничего у девчонки не было.

Левмир онемел от удивления, и девчонка, заметив это, залилась тихим мелодичным смехом, как сказочная фея. Гримасничая, наклонила голову влево, потом вправо, давая себя рассмотреть.

– А тебя Левмир зовут! – сказала, будто сама имя дала.

– А... А тебя? – хрипло спросил мальчик. Впервые в жизни почувствовал себя каким-то грязным, некрасивым и, покраснев, опустил взгляд. Теперь перед ним болтались ее ноги. Белые, гладкие, словно никогда не ступавшие по земле, с аккуратно подстриженными ноготочками. Левмир непроизвольно поджал пальцы на своих босых ступнях.

– А меня зовут И! – сказала девочка.

– Как? И? – растерялся Левмир.

– Ага, вот так. Просто И! Левмир-Левмир-Левмирка! – запела, прикрыв глаза. – Помнишь меня?

Левмир только головой покачал. Забыть такое чудо

и за тысячу лет не получится.

– А вот так?

Девчонка сделала стремительное движение и перевернулась. Левмир ахнуть не успел, а она уже висит вниз головой. Сверкающие волосы метут по земле, хорошенькое личико прямо против его лица. Левмир взглянул выше, и, прежде чем осознал порыв, ощутил легкий укол разочарования – край накидки девчонка плотно сжала коленями.

Еще движение, и вот она стоит перед ним на одной ноге, балансирует руками и смеется. Легкая и грациозная, как рыбка в реке или птичка в небе. Девочка перескочила с одной ноги на другую, мурлыча песенку без слов, и, внезапно посерьезнев, уставилась в глаза Левмиру.

– Приходи сюда завтра в полночь. Придешь?

– З-зачем?

– Поцелую-заколдую-к-алой-речке-унесу! – протараторила И.

Потом округлила глаза, прикрыла рот ладошкой и указала куда-то за спину Левмиру. Он посмотрел. Драка в самом разгаре, Саната не видно под грудой нападавших. Трое валяются у ручья, не подавая признаков жизни. Дело приняло нешуточный оборот.

Левмир повернулся к И. Ветка пуста, среди деревьев не мелькнет силуэт. Остался легкий, истаивающий запах чего-то сладкого и праздничного, как сливовый сироп из отцовского гостинца. Ничего похожего, но больше не с чем

сравнить. Впервые в жизни ощутил Левмир ноющую тупую боль в груди, будто отобрали что-то очень важное. В этот же миг он решил вернуться на поляну следующей ночью, хотя и твердил себе потом, что не очень-то ему интересно встретиться с этой девчонкой, кем бы она ни была.

Послышались тяжелые шаги и сопение. Левмир шмыгнул за дерево, стараясь не дышать. Мимо протопал отец, и вид его – сдвинутые брови, сжатые кулаки – не сулил хорошего драчунам.

– Вы чего это тут устроили, а? – разлетелся по лесу громовой рык. Да, отец оправился после донации, стал таким, каким знал его Левмир.

Те, кто еще стоял на ногах, расступились, потупившись. Левмир увидел помятое лицо Саната. Нос ему, кажется, свернули на бок, на щеках пятна крови. Санат тяжело дышал, но умирать не собирался.

– Лакил! – улыбнулся разбитыми губами Саквобет и шагнул старосте навстречу. – Да мы тут просто... Ну, по согласию.

Кулак отца врезался парню в челюсть, и Левмир, не сдержавшись, ойкнул. Никогда раньше не видел, как отец дерется.

– Ты кому врешь? Мне? – заорал Лакил, склонившись над рухнувшим на пятую точку Саквобетом. – По согласию? Два десятка бездельников парня в лес утащили – по согласию?

– Они спросили, я согласился, – послышался спокойный

голос Саната. – Без претензий, Лакил. Прости за беспокойство.

Саквобет, да и все остальные покосились на Саната, но ничего не сказали. Лакил тоже поднял взгляд.

– Так вот, значит? Ладно, ты решил. Теперь я решу. Сейчас разбегаетесь по домам и зализываете раны. А с утра—с бабами на прополку. И послезавтра. И вообще – пока не закончите. Услышу, что отлыниваете – шкуру спущу.

– Лакил! – воскликнул Саквобет. – Да ты чего? Ну правда, по согласию ведь...

– Согласия перво-наперво у меня нужно спрашивать, – отрезал староста. – А теперь быстро все за мной.

Сунув руки в карманы, он двинулся к деревне. Остальные, поддерживая тех, кто ровно не мог идти, поплелись следом. В хвосте шел Санат. Проходя мимо дерева, за которым прятался Левмир, он улыбнулся и подмигнул.

***

На следующий день, когда провинившиеся вернулись с прополки, Левмир наведлся к Санату. Тот валялся на лежаке, уставившись в потолок. Рядом, на столе – блюдо с пирогами.

– Здорово, паренек, – улыбнулся Санат. – Что расскажешь? Пирог возьмешь?

Левмир из вежливости взял один, хотя дома сытно поел.

Санат потянулся и сел, выглянув в окно. Солнце садилось, тихо стрекотали кузнечики.

– Серьезный мужик твой папаша, – сказал Санат, заметив, что Левмир мнется. – Видал, как всех приструнил?

– Не я его привел, – буркнул Левмир. – Честное слово, я не доносил.

– Да знаю, – отмахнулся Санат. – Чай будешь?

Санат подошел к столу, который сколотил сам, и принялся разжигать самовар, который в благодарность за вино подарил ему Лакил. Труба тянулась от самовара к печному дымоходу.

Левмир следил за его действиями, но на душе все еще беспокойно. Хотелось точно знать, что Санат верит.

– Я ведь сразу за вами пошел. Там, за деревом стоял.

– Левмир, все нормально, – сказал Санат. – Я тебя видел там. Принеси-ка лучше воды.

Приободрившийся Левмир выполнил поручение. Санат залил воду в пузатый самовар, поставил на стол заварник и чашки, отмерял заварку специальной ложечкой.

– Еще видел девчонку, с которой ты беседовал, – добавил Санат, не глядя на Левмира. – Давно ее знаешь?

Левмир покраснел и отвернулся. Обсуждать увиденное чудо не хотелось.

– Нет. В первый раз увидел.

– Ясно. Красивая девчонка. Понравилась?

Левмир в ответ пробурчал что-то невразумительное, и Санат улыбнулся. Он будто бы слышал не слова, а то, что за ни-

ми скрывалось.

– Не увлекайся, паренек, – посоветовал Санат. – Заведет она тебя... не туда.

«Поцелую-заколдую-к-алой-речке-унесу!» – вспомнил он, как девчонка, назвавшаяся забавным именем И, приносила этот старый детский заговор. Тогда прозвучало шуткой, но теперь, после слов Саната, по коже пробежали мурашки.

– А кто она? – спросил Левмир. – Ты ее знаешь?

– Можно и так сказать, – поморщился Санат. – Она... Ну... Считай, что она – фея, живущая в лесу.

– Правда? – вытаращил глаза мальчик. В другое время он бы посмеялся над этими сказками, но не теперь. Потому что девчонка и в самом деле была волшебной.

– Она не человек, вот что тебе нужно знать. Люди для нее – забавные игрушки и только. Тебе может показаться, что она с тобой дружит, но это не так. Если повезет – поиграет и бросит. Не повезет – домой не вернешься.

– Злая фея? – прошептал Левмир.

– Не злая. Но и не добрая. Такая вот особенная фея. Ладно, хватит о ней. Давай чай пить.

Когда с чаепитием покончили, Левмир направился к дому, но у забора его окликнули по имени. Обернулся и увидел Исвирь. Черноволосая, черноглазая девушка в ярко-зеленом платке, пряталась за колодцем так, чтобы со стороны дома Саната ее не заметили. Левмир прищурился. Из-за нее

он чуть не попал в доносчики!

Сунув руки в карманы, Левмир небрежной походкой по-дошел к колодцу и, показывая, что понимает маскировку, принялся крутить ворот, поднимая ведро.

– Ты у Саната был? – зашептала, волнуясь, Исвирь.

– Ну и что? – усмехнулся Левмир, чувствуя себя рядом с ней почему-то взрослым и мудрым.

– Так... Как он там?

– Нормально. Жив-здоров.

– Сильно его?

Левмир вытащил ведро, но понял, что пришел без ковша. Поколебавшись, приложился к ведру губами. Увидь такое отец – вlepил бы подзатыльник.

– Ну? Что же ты молчишь? – торопила девушка.

– Пью, видишь? Ничего ему не будет. Здоровее тебя.

– А ты ведь часто к нему заходишь, хорошо его знаешь? – не отставала Исвирь. Явно чего-то хотела, но не решалась спросить.

– Ну так что ж?

– А что он любит? Что ему принести можно?

– Пирогов! – усмехнулся Левмир.

Исвирь покачала головой.

– Я видела, с каким лицом он пироги принимает. Не к душе они ему. Что он сильно-сильно любит?

Левмир задумался. Он не помнил, чтобы Санат что-то с аппетитом ел или хотя бы говорил о каком-либо кушанье.

В первый день он вроде бы охотно пил вино, но где ж этой несчастной раздобыть вина?

– Чай! – воскликнул он.

– Как?

– Чай он любит. Крепкий заваривает – аж во рту вяжет.

Вот. А больше – не знаю.

Бросив ведро в колодец, пошел к дому. Робкое «спасибо» достигло ушей, и Левмир только рукой махнул в ответ.

***

Чуть стемнело, и на улице поднялся шум. Левмир подбежал к окну. Сердце ёкнуло. Толпа парней – почти сплошь те же, что и днем – подходили к дому Саната. Шумели и галдели, а громче всех хохотал Саквобет, лицо которого напоминало баклажан. «Убьют! – подумал Левмир. – Твердо решились!»

Отца не было, он еще днем уехал в город – решать какие-то вопросы с новыми хозяевами. На кого надеяться? Что делать? Левмир рванулся из дома – не образумить, так хоть напугать парней грядущей карой.

– Далеко? – окликнула мать, суетившаяся у печи.

Левмир молча вылетел во двор, добежал до жилища Саната, с ужасом понимая, что никого не видно – зашли. В глазах потемнело, Левмир чуть не упал. Вот знакомая дверь. Дернул на себя, влетел внутрь.

– Вы! Вы! – задыхаясь, кричал Левмир.

Тишина. Все смотрят на Левмира – кто с испугом, кто с любопытством, а кто и вовсе с улыбкой. Ни драки, ни смертоубийства. У каждого в руке кружка, несколько бутылок с мутноватой жидкостью стоят у печки. Гости расселись на полу, а сам хозяин восседает на лежаке, с сомнением разглядывая налитое в кружку пойло.

– О, Левмирка! – воскликнул Саквобет. – Накатишь за компанию, за дорогого соседа?

Все рассмеялись, но холодный голос Саната будто ножом вспорол этот гам, прозвучав отчетливо и громко:

– Только попробуй. Тебе сперва я всыплю, а потом Лакил добавит, да так, что зубы из задницы вылезут.

– Да ладно, не сердчай, хозяин! – смеялся Саквобет. – Давай уже, за мир!

– За мир, – вздохнул Санат и, зажмурившись, опрокинул кружку в рот. Его примеру последовали остальные. Только Левмир, не сводящий глаз с Саната в поисках признаков принуждения, заметил, как при слове «хозяин» вспыхнули его глаза, искривились губы.

– Садись, малой, чего ноги топчешь попусту? – предложил кто-то.

Левмир опустился возле стены рядом с Ровбалом. Тот потеснился, похлопал мальчишку по плечу и даже достал из-за пазухи яблоко. Левмир почему-то посмотрел на Саната, будто спрашивая разрешения, и тот чуть заметно кивнул. Ябло-

ко оказалось кислым, но сочным, Левмир с удовольствием его сгрыз.

Когда руки и ноги, наконец, перестали трястись от волнения, Левмир начал прислушиваться к разговорам. Поначалу в них не было ничего любопытного – одни сплошные удары кулаками в грудь и заверения в вечной дружбе. Санат с улыбкой кивал, изредка вставляя словечко-другое. Замирение постепенно переходило в попойку, и Левмир начал подумывать о том, чтобы улизнуть домой, когда Саквобет, выпив залпом кружку, которая у него больше напоминала кувшин, спросил:

– А что, Санат, ты правда у вампиров в тюрьме сидел?

Левмир затаил дыхание. Ему страсть как хотелось послушать про вампиров, но расспросить Саната всегда стеснялся. Думал, не очень-то ему будет приятно беречь старые раны. Саквобет такими мыслями не терзался.

– Было дело, – кивнул Санат, на которого самогонка, казалось, вовсе не действовала. – Просидел год.

– Ну и как они? Многих видел?

– Ну... – пожал плечами Санат. – Некоторых. Их ведь не так чтобы очень много...

– Это как так? Ну, охраняли-то тебя...

– Люди.

– Люди? – Саквобет вскочил, сжал кулаки. – Это что ж за...

– Не шуми, сядь, – успокоил его Санат. – Люди в городе

работают на вампиров. Сами вампиры не работают, платят людям. Обычно это те, кто хочет стать вампиром. Едут из деревень, нанимаются и ждут своего часа. Иные дожидаются, иные нет. Многие так и оседают, семьи там заводят. У вас разве не знают об этом в деревне? Наши все знали. Многие даже к знакомым ездили в гости в город, а то и наоборот. Правда, с города не больно-то охотно ездят. Вампиры следят, чтобы человек от всего человеческого отошел, всех родных забыл. Иначе не обратят. Им такие не нужны.

Стало тихо. Все молча смотрели на Саната, лицо которого тускло освещала керосиновая лампа. Лампу подарили ему опять-таки девушки, и все об этом знали, но сейчас никто не обращал внимания на такую мелочь.

– Что ж за человек это, если о близких ради вампирства позабудет? – пробурчал Саквобет. – Вампир и есть...

– Каждый сам себе путь выбирает, – ответил Санат. – Не нам судить.

– Да я б им без суда головы поразбивал всем! – взревел Саквобет.

– Будешь голосить – ничего больше не скажу.

– Молчу! – поднял руки здоровяк. – Ну, так какие они, вампиры? А то я их только в центре донации видел, они там в масках...

Санат расхохотался.

– Что не так сказал? – нахмурился Саквобет.

– Шутник ты! В центре – это люди. Станут вампиры около

тебя с иголками прыгать, как же!

Несколько человек засмеялись, но большинство выглядели обескуражено. Левмир же, которому по возрасту еще не полагалось сдавать кровь, слушал, раскрыв рот.

– Вот падлы! – Саквобет стукнул кулаком по полу. – Ну, я им тогда в следующий раз устрою там. Шавки!

– Ну и сядешь, как я, – сказал Санат. – Давай лучше выпей, да выброси чушь из головы.

Левмир заметил, что Санат стал выражаться проще, старательно подделываясь под местный говор. Будто волк пытается бляеть по-овечьи. Санат надел маску, и понял это один Левмир. И то лишь потому, что каждый день разговаривал с загадочным соседом.

Саквобет осушил еще кружку и замолчал, только фыркал, о чем-то думая. Беседу продолжил Ровбал:

– А чего там с герцогом-то нашим стало? С Освиком?

Санат стиснул зубы, глаза сверкнули – и все за какой-то миг. Никто не обратил внимания, кроме Левмира.

– Его осудили и казнили, – прозвучал ответ.

– Так все ж их как-то убить можно? – воспрял Саквобет.

– Можно.

– Ну? Рассказывай!

– Тебе-то зачем?

– Давай уже, раз заикнулся!

– Я заикнулся? – покачал головой Санат. – Ну что ж...

Ладно, скажу немного. Вампиров обычными способами

убить не получится. Ножи, топоры, колья – все бесполезно. Но есть хитрости. Каждый вампир любит считать всякую мелочевку. Если перед ним рассыпать, например, горсть семян, он с места не стронется, пока все не пересчитает. Пока ковыряется, нужно металлом очертить круг вокруг него, и за черту вампир выйти не сможет.

– И чего? Ждать, пока он там с голодудохнет?

Засмеялись нервным смехом, будто боялись, не подслушивает ли кто под окном. Левмир почувствовал, как сердце снова убыстряет ход. Неужели сейчас откроется тайна?

Санат не успел ответить. В дверь постучали, и все, как один, вздрогнули. Левмир так и вовсе подскочил на месте. «Вампиры!» – мелькнула мысль.

Санат отворил и, отступив на шаг, запустил внутрь Лакила. Протянул руку, поддержал.

Левмир еще не видел отца таким изможденным. Глаза совсем провалились в череп. Когда веки опускались, с лица смотрели два черных провала. В свете керосинки кожа казалась бледнее, чем у Саната, который, кстати, в последнее время немного загорел.

– Что, замирились? – хрипло сказал Лакил, увидев бутылки. Потом заметил сына. – Левмир, вставай, пора домой. Мать с ужином ждет.

– Папа, – прошептал Левмир, поднимаясь. Но отец не услышал его, потому что в этот момент загудел Саквобет:

– Лакил, это чего с тобой? Опять кровь, что ли, сдавал?

Санат достал бутылку такого же вина, что подарил при первой встрече, налил в кружку и поднес старосте.

– Давай, – сказал. – Пей, только медленно. И рассказывай, что случилось.

Не без колебаний Лакил принял кружку. Оглядел собравшихся.

– Утром все равно объявлять, – пробормотал он. – И повестки еще привез... Лорд Эрлот распорядился сдавать кровь каждую неделю, и норму разовую поднял. И еще... Теперь дети тоже. С десяти лет. Меньше, чем со взрослых, но тоже. Ты, Левмир, послезавтра пойдешь. Я тебя отвезу, как оклемаюсь...

Страшная тишина повисла в доме. На одних лицах читался ужас, на других – закипающая ярость.

– Каждую неделю? – скрипнул зубами Саквобет. – А работать мы как будем? Это ж... Скоро ведь осень, урожай собирать!

Лица парней вытягивались. Левмира трясло мелкой дрожью. Смотрел на этих людей – взрослых людей! – и ждал от них помощи, спасения. Они просто обязаны защитить маленького мальчика, который не ожидал встречи с ужасным миром еще года четыре. «Не раньше шестнадцати лет» – таким был закон.

Взгляды опускались. Никто не встал. Даже Саквобет лишь глухо ворчал под нос, да стискивал кружку.

– Пойдем, Левмир, – сказал староста. – Долго не сидите,

парни. Вам завтра на прополку по жаре.

– Какая уж тут прополка... – протянул Саквобет.

– Такая, – отрезал Лакил. – У вампиров свои дела, у нас свои.

Выйдя на улицу, Лакил обратился к сыну, на плечо которого опирался.

– Ты-то чего там забыл? Не пил, нет? А ну дыхни.

– Нет, папа! – возмутился Левмир. Он рассказал, как было дело, и закончил фразой:

– Ну, я и остался на всякий случай. Присмотреть.

Отец тихо рассмеялся и потрепал его по голове.

– Присмотреть, значит? Ну-ну. Молодец, сынок. Не испугался ведь.

***

Лишь мать с отцом уснули, Левмир тихонько оделся и выскользнул через окно на улицу. Стемнело, на небе появились звезды и луна, превратили привычный деревенский пейзаж в сказочный. Левмир прошел мимо колодца, по широкой дуге обогнул несколько дворов и, не без внутреннего содрогания, углубился в лес. Воздух теплый, душно от насыщенных запахов.

До последнего Левмир не знал точно, пойдет ли на зов загадочной феи. Хотел пойти, очень уж запала она ему в память, но от такой причины можно лишь краснеть – вот еще,

побежал к девчонке среди ночи! А после известий, принесенных отцом, решился. Если девчонка правда фея, как сказал Санат, то, может, она как-нибудь спасет деревню от этой напасти. Кроме того, Левмир, опасаясь грядущей донации, почему-то твердо взял в ум, что не переживет ее, и теперь то и дело смахивал слезу, представляя, как будет прощаться с И, а она в ужасе станет умолять его сбежать. Он-то, конечно, откажется – он ведь сильный и смелый.

Ближайшие участки леса Левмир знал не хуже любого мальчишки. Ноги сами несли вперед. Издалека слышалось журчание ручья – значит, направление верное.

Выйдя на полянку, Левмир остановился. Девчонка лежала на бревне, ладони плескались в ручейке. Левмир почувствовал, что краснеет: И была совсем голой. Стройное тельце казалось белым в лунном свете. Да, она лежала так, что ничего нельзя рассмотреть, но все же... Черета соблазнительно-жутких картинок промелькнула в голове мальчишки, вся смелость истаяла. Ступил назад, надеясь быстро скрыться между деревьями, нога угодила на корень, скользнула, и Левмир с тихим вскриком шлепнулся на землю.

Не успел прийти в себя, как словно порыв ветра ударил в лицо, а лунный свет что-то заслонило. Вскинув голову, Левмир перестал дышать. Над ним возвышалась И, теперь укутанная в ту же накидку. Зеленые глаза вспыхнули злобным красноватым светом, ярче звезд и луны. Волосы, всколыхнувшиеся от стремительного броска, невероятно мед-

ленно опадали на плечи.

– Ты что, следил? – прошипела И.

– Н-н-нет, – пискнул Левмир. – Ты же сама сказала, чтоб пришел!

– Я тебе в полночь прийти сказала!

– Ночь же ведь!

Девочка моргнула, тряхнула головой, будто осваиваясь с непривычной мыслью. Пламя в глазах потухло.

– Так ты что же – время определять не умеешь? – Голос стал спокойнее.

– Умею, – буркнул Левмир, поднимаясь на ноги. – Когда темно – значит, ночь, а светло – день.

И расхохоталась. От злости не осталось и следа. Тонкая ручка толкнула Левмира в плечо. Развернувшись, И пошла в сторону, противоположную деревне.

– Идем, – бросила через плечо.

Левмир зашагал следом, гадая, что будет дальше. Девочка весело скакала впереди, что-то напевая. До слуха Левмира доносились обрывки деревенских считалок и песенок, а иногда – вовсе незнакомые слова.

Полянка осталась далеко позади, лес сделался густым и незнакомым, когда Левмир решил задать вопрос:

– А куда мы идем?

– Отведу тебя в соседнюю деревню, – не оборачиваясь, сказала И. – Будешь там жить. Дня за два-три дойдем. Ты еды-то взял? Вам же есть надо. Эй, ты чего остановился?

Она с упреком смотрела на Левмира.

– Зачем в соседнюю деревню? – спросил мальчик. – Я не хочу.

– Что значит, «не хочу»? – Девчонка нахмурилась и топнула ножкой. – Я так сказала! Слушайся меня!

Левмир шагнул назад, потом – еще раз. Глаза И раскрылись все шире и шире. Она будто поверить не могла, что ей осмеливаются перечить.

– Ты! – крикнула она. – Да я тебе... А ну стой! Сейчас как врежу по голове – будешь знать! Дрянной мальчишка!

Левмир пошел обратно. Когда И принялась сыпать угрозами, ему стало легче отделаться от ее чар. Она ведь не подруга и не родная, она даже не взрослая, чтобы выслушивать такое. Спрятавшаяся было гордость всколыхнулась в груди.

Ругаясь, И шла следом. Потом принялась забегать вперед, смотреть в глаза. Левмир молчал. На лице девчонки читалось безграничное удивление, смешанное со злостью. Она не могла понять, почему ее не слушаются. Левмир ее пожалел. Глупая, избалованная. Откуда только взялась такая?

На полянке И решительно выскочила перед Левмиром, расставив руки в стороны.

– А ну, стой! – крикнула. – Подожди, не уходи. Давай поговорим, хорошо? Ну вот, садись сюда, на бревно.

Левмир, подумав, подчинился. В конце концов, ему все еще было интересно, зачем И хотела увести его в чужую деревню. Девочка присела на небольшом расстоянии, зеленые

глаза смотрели в лицо мальчику. Тихо журчал ручей, пищали комары. Левмир поежился – холодало.

– Ты что, жить не хочешь? – голосом, все еще звенящим от обиды, спросила И.

– Хочу, – признался Левмир.

– А почему тогда не слушаешься?

Левмир отвернулся. Эта нелепая угроза ему совсем не понравилась. Как будто внезапно все волшебство рассеялось, и перед ним оказалась самая обычная девчонка, правда, непонятно, как и откуда появившаяся. Может, из соседней деревни и сбежала? Дурная какая-нибудь.

– Ты мне все усложнил, – вздохнула И. – Я же не могу постоянно сюда мотаться и ждать, чтоб ты все увидел и послушался.

– А я, может, не хочу тебя слушаться, – буркнул Левмир.

– Хочу, не хочу... Кто ты такой, чтобы выбирать? Вы должны слушаться нас.

– Кто мы? Кого – вас? – недоумевал Левмир.

– Ну, вы, люди.

Она говорила серьезно, и мальчик снова вспомнил слова Саната: «Она не человек, вот что тебе нужно знать. Люди для нее – забавные игрушки и только. Тебе может показаться, что она с тобой дружит, но это не так. Если повезет – поиграет и бросит. Не повезет – домой ты не вернешься».

– Мне про тебя Санат все рассказал, – заявил Левмир.

– Все рассказал? – Теперь девчонка, кажется, испуга-

лась. – Он дурной, что ли, совсем? Что он рассказал?

– Что ты – фея.

После недолгого молчания девчонка расхохоталась так, что упала с бревна и скатилась почти до самого ручья. Левмир бросился к ней – как бы эта полоумная не утонула! Но И не собиралась тонуть. Вскочила, вытирая слезы, выступившие от смеха, отряхнула накидку. Вернулась на бревно.

– Ну и ладно, – воскликнула И. – Ну и пусть я – фея. А этот твой Санат тогда – черт самый настоящий. Ерунды какой-то наговорил, а я помочь хочу. Спасти тебя.

– От донации?

– Чего? – наострила ушки девчонка. – От какой донации? Тебе же рано еще.

Левмир рассказал об известии, что принес из города отец. Веселье с И как рукой сняло.

– Это опасно для вас? – спросила.

– Что?

– Ну, это. Крови столько отдавать.

Левмир пожал плечами. Захотелось похрабриться перед девчонкой.

– Переживем как-нибудь, – сказал, копируя вальяжные интонации Саквобета. – Вампиры ведь понимают, что делают.

Девочка посмотрела ему в глаза. Теперь она сидела рядышком, и мальчик ощущал приятное волнение.

– Боишься? – Голос стал почти нежным.

– Боюсь, – прошептал мальчик, позабыв все заготовленные высокопарные фразы.

– А почему тогда бежать не хочешь?

– Как так – бежать? – удивился он. – А отец? А мать?

– Их найдут. А тебе одному проще. Тебе ведь не обязательно... Ну, дождаться до конца. Я бы тебя спрятала.

Левмир смутно ощущал, что девчонка говорит о какой-то другой опасности, может, совсем не связанной с повышением кровавого налога. Она ведь, кажется, узнала об этом только сейчас.

– От чего ты хотела меня спрятать?

Отвернулась. По лицу заметно, как она пытается на что-то решиться. Но в конце концов губы плотно сжались.

– Хорошо, – сказала девочка, поднимаясь. – Послезавтра твоя первая донация, тут уж мы ничего не сделаем. Но в ночь перед следующей, через неделю, приходи сюда опять. Придешь?

– А ты не будешь пытаться меня увести?

– Нет. Подарю тебе кое-что. Ладно, пока. Не забудь, через неделю!

Легкая, изящная, она не убежала, а упорхнула в чашу леса. Миг – и будто бы не было никогда никакой И, лишь тонкий приятный аромат, постепенно рассеивающийся, напоминал о ней.

Левмир медленно шел домой с глупой улыбкой на губах. Снова и снова ловил себя на том, что перебирает в памяти

картинки из этих двух встреч с И. Вот она висит на ветке вниз головой. Вот играет с водой в ручье, думая, что никто ее не видит. Весело прыгает, уводя его в чащу... Левмир уже скучал, только не хотел себе в этом признаться.

Глава 3

Лорд Эрлот

Словно насмехаясь над хмурыми мужчинами, вышедшими с утра в поля, солнце жарило сильнее прежнего. Задолго до полудня даже самые крепкие и привычные женщины предпочли скрыться в тени повозок, обмахиваясь платками и соломенными шляпами. Десятки пар глаз смотрели на небо в тщетной надежде увидеть хоть облачко. Но предсказанная Санатом буря пришла и ушла, будто единственно для того, чтобы проветрить ему жилище.

– Ну вот и скажи мне, что этот лорд Эрлот – нормальный человек! – ворчал Саквобет, обращаясь к Санату. – Надо думать-то, а? Вот поедут бабы завтра кровь сдавать, а потом? Что им тут, подышать, что ли?

– Он не человек, – ответил Санат, выдергивая сорняки. – Он вампир.

– Да какая разница? Голова-то на плечах должна быть, нет? Угробит деревню, откуда потом кормиться будет?

– Ему есть откуда кормиться, – проворчал Санат. – Плевать он хотел на эту деревню.

Саквобет покосился на собеседника, сорвал тоненькую травинку и скрутил между пальцами.

– И что же нам делать?

Санат повернулся к нему. В глазах, обычно спокойных,

вспыхнул гнев.

– Подыхать.

Все, кто слышал ответ, промолчали. Один Саквобет не унимался:

– Да ну, брось! – махнул рукой. – Не совсем же там дураки сидят. Наверное, понимают, что к чему. Ну, мало ли. Ну, может, надо так, а? Зубы стиснем, да перетерпим, а потом все вернется...

Когда солнце вошло в зенит, Санат отозвался, и, хотя минуло не меньше часа, каждый понял, что он отвечает на слова Саквобета:

– Это у нас все возвращается и повторяется. У вампиров нет такого, у них – движение вперед. Если выдержишь сейчас – значит, справишься и завтра. А раз так – можно давать дальше. Никто не повернет назад, увидев, сколько крови можно получить с деревни.

– Так если в деревне все помрут, крови больше не будет!

– Новых заселят. С ними чуть помягче будут – чтоб сразу не передохли.

Работа не клеилась. С похмелья на жаре и так не больно-то приятно, а после мрачных разговоров мужики вовсе загрустили. Вяло ползали между рядами посадок, обливаясь потом, и материли сорняки, солнце, да лорда Эрлота. Наконец, женщины позвали обедать.

Исвирь, то и дело заправляя под платок выбивающиеся прядки волос, отыскала Саната сидящим возле повозки

в одиночестве. Вчерашние собутыльники побежали к ручью за водой. Встав неподалеку, девушка покраснела и попыталась откашляться, чтобы привлечь внимание. Вместо кашля вышел странный писк, но Санат повернул голову.

– Хотела чего?

– Поздороваться, – пролепетала Исвирь.

– Здравствуй. Да ты садись, чего стоять-то на солнцепеке, – предложил Санат, устыдившись нечаянной грубости.

Исвирь села на землю рядом с ним. В руках глиняный кувшин, плотно заткнутый пробкой. Протянула его Санату.

– Вот. Тебе...

– Что это? – Санат принял сосуд и осмотрел его. Обычный кувшин, но с узким горлышком, видимо, специально изготовленный для какой-то цели.

– Это чай. У нас в роду все так готовят. Я с утра заварила, и он весь день лежал на солнце, впитывая его лучи. – Исвирь заговорила бойчее, повторяя чужие, заученные слова.

Она покраснела, когда заметила взгляд Саната, направленный уже не на кувшин, а на нее. Взгляд выражал любопытство. Сердце девушки заколотилось сильнее. Неужели так просто?

– Спасибо, – улыбнулся Санат. – Я люблю чай.

– Я знаю! – выпалила Исвирь, и тут же пожалела об этом. Улыбка исчезла.

– Откуда?

– Ну... Я... Мне Левмир сказал, – призналась девушка,

чуть не плача.

Она не решалась смотреть в глаза Санату, разглядывала женщин, которые, так же прячась от солнца в тени повозок и навесов, вяло переговаривались, обмахиваясь платками. К еде почти никто не прикасался, зато воду пили как не в себя.

– Левмир – парень дельный, – пробормотал Санат, а Исвирь услышала в сказанном извиняющиеся нотки и снова за-сияла.

Санат легко вынул пробку, которую она в поте лица утрамбовывала утром, и сделал несколько глотков из горлышка. Улыбнулся и протянул кувшин Исвири.

– Очень вкусно. Будешь?

Она, склонив голову, взяла кувшин, глотнула, думая о том, чтобы коснуться губами там, где касался Санат, и вернула обратно. Отпив еще немного, Санат спросил:

– Дед твой чай делал? Или бабушка?

– Бабушка, – сказала Исвирь. – Она маму научила. А мама – меня.

Санат помолчал, глядя на девушку, потом задал еще один вопрос, самый странный:

– А как вы себя называете? Ваша семья?

Исвирь забыла о смущении. Изумлению нет предела. Глаза широко раскрылись, девушка долго не могла найти с ответом.

– Никак, – наконец, сказала она. – А как нужно?

– Никак, – отрезал Санат. – Отец записи ведет?

– Да какие записи ему вести? Он проще так подойдет, да скажет. Читает разве – это да. Ну, когда бумагу какую с города привезут.

– И все?

– Все.

Санат вздохнул, поставил под повозку закрытый кувшин.

– Не принимай близко к сердцу. Просто те люди, что записывают и сохраняют историю семьи, часто уходят к вампирам. Вот я и подумал, когда ты сказала про чай, что ты из этих...

– Никогда бы не ушла! – воскликнула Исвирь. – Вот тоже мне! Сидеть впотьмах и одной кровью питаться!

Санат рассмеялся, пальцы коснулись ладони девушки. Исвирь вздрогнула.

– Прости. – Санат отдернул руку. – Пальцы холодные...

– Ничего, – шепнула девушка.

Со стороны ручья приближались друзья Саната по несчастью. Судя по топорщащимся волосам, они не только напились и набрали полные бурдюки, но даже искупались. Однако беспощадное солнце высушило их по дороге, от свежести не осталось следа.

Исвирь заторопилась, явно не желая становиться мишенью для насмешек.

– А вы... Ты... Приходите сегодня на вечерку к нам? Там много народу соберется, будем истории страшные рассказы-

вать. Ну? Придете?

– Может, и загляну, – улыбнулся Санат.

– Буду ждать. Приходите обязательно. У оврага дом, где еще забор синей краской покрасили.

Убежала, лоя на себе завистливые взгляды девушек. Накинулись бы, если б не жара, а так только шипят втихомолку.

***

Караван повозок тронулся с рассветом. Левмир не раз выбирался в город с родителями, но все равно вертел головой, будто впервые видел пустующие поля, рощицы, где по осени можно насобирать грибов, узкую извилистую речку, где купались дети и взрослые, сбиваясь небольшими группками – все же далековато от деревни. Смотрел и чувствовал, что на обратном пути все это изменится. Будто в последний раз так искрится на солнце вода, в последний раз переливается на ветру пшеница.

Санат, сидевший на повозке рядом с Левмиром, похлопал его по плечу и улыбнулся.

– Не кисни, паренек. Переживем.

Отец с утра все еще на себя не походил, ехать с Левмиром собиралась мать, но зашел Санат и решительно отверг эту идею. «Ни к чему вам, – сказал он. – Работайте или отдыхайте – все лучше, чем без толку себя изматывать. А за Левмиром я прослежу». Не сразу, но мать согласилась.

– Как это делают? – спросил мальчик. Воображение рисовало тускло освещенное помещение с каменными стенами, где стоит зловещего вида устройство с кучей игл, трубочек и баночек, поблескивающих в свете черных свечей...

Санат пожал плечами:

– Скучно. В очереди дольше сидишь.

Левмир вздрогнул от неожиданности. Голос Саната звучал спокойно и уверенно, как будто и правда ничего страшного.

– А потом? – шепнул мальчик.

– Ну зайдешь ты в комнату, ляжешь на кушетку. Вот сюда, – Санат коснулся пальцами венки на руке Левмира, – воткнут иглу. Больно немножко, но это ерунда. Потом кровь начнет по трубочке сливаться в банку. И все. Получишь денег, поедem домой.

– И все?

– Все. Можно, если хочешь, по городу пройтись. А что? Мысль! Купим тебе ботинки. Хочешь? Хорошие, крепкие ботинки – сносу не будет.

Мысль, что после донации не обязательно падать в повозку и ползти домой, чувствуя себя наполовину мертвым, подняла мальчику настроение. Оказывается, жизнь будет продолжаться.

– Страх – это ерунда, – сказал Санат. – У страха множество видов: ужас, лень, отвращение. Когда доходит до дела, все это нужно послать подальше. Какая разница, страшно

или нет? Если должен что-то сделать – берешь и делаешь. Потом можно плакать и плевать, но дело будет сделано.

– Разве лень – это страх? – озадачился Левмир.

– А то нет? Страх взяться за работу, страх перед усталостью. Запомни, паренек: сначала – дело, потом – страх.

Левмир улыбнулся, и как будто мир стал ярче, веселее. Рядом человек, которому можно доверять, и который, что еще важнее, знает, что к чему в этой жизни. Мальчик поглядел на соседние повозки. Сегодня многие поехали на донацию впервые. На детских лицах застыло мрачное, торжественное выражение. Только Арека, младшая сестра Саквобета, поймав взгляд Левмира, улыбнулась и махнула рукой.

Вскоре рощи и поля сменились пустошью. Как будто нейтральная полоса, разделяющая город и деревню, чтобы одно не мешалось с другим. Позади оставался мир людей, а впереди – таинственный и непонятный мир вампиров.

И вот начался город. Повозки поползли по булыжным мостовым. Со всех сторон доносится гомон. Люди снуют туда-сюда, словно безо всякой цели. Что-то кричат, над чем-то смеются. Вместо низких домиков – высокие, в несколько этажей постройки из дерева и камня. В воздухе разносятся непривычные запахи – неподалеку рынок, где можно купить множество невиданных и очень вкусных вещей.

Караван, извиваясь, прополз несколькими улочками и оказался возле ряда приземистых бревенчатых строений.

– Приехали, – спрыгнул на землю Санат. – Пойдем? Рань-

ше сдадим – больше времени будет.

Левмир, скрепя сердце, слез с повозки. Изю всех сил старался преодолеть страх, как советовал Санат, но когда переступал порог, колени дрожали.

В комнате ожидания, полутемной и кисло пахнущей, не меньше двадцати человек. Левмир понял, что это – люди из других деревень, и с любопытством разглядывал чужаков. Хотелось найти в их внешности что-то, сразу же отличающее от односельчан. Но нет – те же самые мужики и бабы, парни и девушки. Просто лица незнакомые. Они хмуро покосились на вошедших, и тут же отвернулись, потеряв интерес.

Санат, держа мальчика за руку, подошел к лавке, на которой оставались свободные места. Сели. Послышался резкий, неприятный звук, и Левмир, повернувшись, увидел женщину с красными от слез глазами. На руках она держала ребенка, желтушного, покрытого пятнами. Малыш даже не плакал, лишь время от времени вскрикивал страшным хрипло-писклявым голосом и замолкал.

Вошли остальные. Некоторые успели сесть, другие стояли, ворча и переминаясь с ноги на ногу. Среди них ни женщин, ни стариков, и Левмир не уступил место. Молодежь в том же положении, что и он. Другого, может, и турнули бы, но к сыну старосты цепляться не решались.

В дальнем конце помещения – дверь. Когда Левмир посмотрел в ту сторону, она открылась, вышли двое: мужчина с серо-зеленым цветом лица, прижимающий ватку к сгибу

локтя, и поддерживающий его парень в белом халате и марлевой повязке, прикрывающей рот. Должно быть, лекарь. Мужчина, шатаясь, прошел к выходу, а парень глухим голосом потребовал предъявить повестки. Новоприбывшие зашевелились, доставая измятые в знак презрения к процедуре листы бумаги. Санат сунул руку за пазуху и вытащил две повестки – свою и Левмира. Мальчик покосился на них. Впервые доводилось видеть таинственные бумажки, заставляющие людей ехать в такую даль, чтобы сдать кровь.

На верхнем листе увидел свое имя. Пошарив взглядом по словам, нашел еще одно, непонятное.

– Сатвир, – произнес Левмир. – Что это?

Санат посмотрел на повестку, потом – на мальчика.

– Читать умеешь?

Левмир кивнул, все еще ожидая ответа.

– Это твоя деревня, паренек.

– Моя? Деревня? – хлопал глазами Левмир. – А почему...

– Потому что так она называется. Неужели ни разу не слышал? А город знаешь, как называется?

Изумленное молчание мальчика красноречивее слов.

– Кар-ма-игс, – по слогам произнес Санат. – Запомни, на всякий случай.

– Кармаигс, – прошептал Левмир.

– Ваши повестки, пожалуйста.

Санат протянул бумаги. Лекарь просмотрел повестку Левмира, смерил его равнодушным взглядом и переменял листы

местами. Вторая повестка заставила его вздрогнуть. На Саната поглядел вежливо, даже заискивающе.

– Пожалуйста, – пролепетал. – Можете прохо...

– Нет, сначала – этот паренек. – Санат хлопнул Левмира по спине.

– Но...

– Я пройду прямо за ним. Подождет.

Лекарь, поманив за собой Левмира, пошел обратно к двери.

– Давай, удачи, – подмигнул мальчишке Санат. – Все, что от тебя нужно – это спокойно ждать.

Левмир кивнул, прежде чем пройти.

Маленькая комната, белые стены, пол и потолок. Кушетка застелена белыми простынями. Рядом – низкий белый столик, на котором и расположилось то самое страшное устройство. Прежде чем лечь, Левмир заметил ряды баночек, тонких и длинных.

Теперь, лежа, Левмир осознал, что, уделив все внимание загадочному аппарату, упустил из виду самое интересное. В комнате еще кто-то был. Этот кто-то стоял у окна, которое теперь оказалось позади, и Левмиру пришлось изрядно вывернуть шею, чтобы его разглядеть. Лекарь тут же заставил его лечь спокойно, надавив ладонью на макушку, но мальчик успел увидеть стоящего у окна человека в черном. Он зиял на фоне комнаты, будто огромная дыра в никуда. Словно гигантская летучая мышь, раскинувшая крылья, расправил

полы плаща. Черные волосы свободно лежат на плечах. Ни один деревенский не стал бы носить такие длинные волосы – жарко и бесполезно, мешает работе.

Мальчик так задумался о загадочном человеке, что вспомнил, где находится, лишь когда в сгиб локтя что-то кольнуло. Вздрогнул, пытаясь отдернуть руку, но лекарь держал крепко. Из вены торчала длинная игла, переходящая в прозрачную гибкую трубку, змеящуюся к таинственному аппарату. На глазах у Левмира трубка окрасилась красным. Как замороженный, мальчик смотрел на это чудо. В памяти всплыли строки из песни-молитвы:

*Ярко-алая река
Что течет издалека
Принеси нам к дому счастье
Жизнь людская нелегка*

Послышался звук вдыхаемого воздуха. Человек у окна к чему-то принюхивался. Зашуршала одежда, и Левмир снова вывернул шею, чтобы разглядеть незнакомца. Он встретился взглядом со смертью.

Бледное лицо с глубоко посаженными глазами невероятного цвета – черные с красными прожилками. В них ничего теплого, доброго или хотя бы человеческого. Глаза зверя, убийцы. Но тонкие губы кривятся в улыбке.

– Ребенок, – прошептал человек. – Надо же... Совсем другой запах. Упакуешь мне это отдельно. Я не могу допустить,

чтобы она перепуталась.

– Да, господин, – тихо отозвался лекарь.

– И впредь помечай все, что от детей до шестнадцати лет.

– Слушаюсь, господин.

Голос господина звучал приятно. Сильный, низкий, легко перетекающий от шелестящего шепота к раскатистым командным интонациям. Он подошел к кушетке, черные глаза смотрели на мальчика, улыбка будто приклеилась к лицу. Левмир не мог отвести взгляда от этих голодных глаз.

– Вы – вампир? – прошептал он.

Господин наклонил голову в знак согласия.

– Вы... пьете кровь? – спросил Левмир, не зная, что еще сказать.

– Приходится, малыш. Надеюсь, ты не в обиде? Поверь, у тебя останется достаточно, чтобы жить.

Левмир замотал головой, всеми силами стараясь показать, что не собирается обижаться на это жуткое существо. В нем чувствовалась огромная сила. Сила, позволяющая уничтожать целые деревни одним движением руки. А Левмир наоборот становился все слабее. Маленький перепуганный мальчик на кушетке и нависший над ним черный ворон.

– Думаю, хватит, – послышался голос лекаря.

Господин перестал улыбаться и перевел взгляд на него. Левмир с облегчением заморгал.

– Хочешь сказать, это все, что ты можешь выдоить? – прошипел вампир.

– Да, если вы хотите, чтобы через неделю он пришел снова.

– Почему бы ему не прийти?

– Он может умереть, господин. Детский организм более хрупок, чем организм взрослого человека.

Вампир окинул взглядом, полным презрения, тщедушное тельце Левмира и, щелкнув языком, вернулся к окну.

– Пусть идет. И зови следующего. Скажи, что дольше ждать не намерен.

Левмир сполз с кушетки, зажимая ватой место, куда вонзалась игла. Голова кружилась, ноги подкашивались, но он мог идти. Шаг, еще шаг...

– Эй, мальчик, – остановил его голос лекаря. – Вот, это твое.

Онемевшие пальцы сжали холщовый мешочек, туго набитый монетами. Плата за донацию.

Левмир вывалился за дверь, где его подхватил Санат.

– Ты как, паренек? – спросил он. – Не тошнит? Нормально?

Левмир кивнул.

– Подожди здесь.

Санат подвел мальчика к месту, где только что сидел. Там уже развалился бугай из другой деревни.

– Дай присесть парню, – сказал Санат.

– Насидится еще, – сплюнул бугай. – Молодой.

– Ты меня плохо услышал, – понизил голос Санат. – Я ве-

лел тебе уступить место.

Левмир вспомнил драку в лесу. Вспомнил, как Санат в одиночку сдерживал атаку двадцати человек. А Саквобет немногим меньше этого здоровяка.

Послышалось движение, и Левмир, оглянувшись, заметил односельчан. Подходят ближе, разминая кулаки. Нет, слишком много драк в последнее время! Он, как сын старосты, не должен такого допускать.

– Я посижу на повозке, – сказал Левмир. – Не надо, не здесь. Я лучше там, на воздухе. Правда.

Санат посмотрел на него, пожал плечами и, тут же потеряв к бугаю всякий интерес, повел мальчика на улицу. Усадив его на повозку, хлопнул по плечу и вернулся в домик.

***

Санат вошел в белую комнату и остановился, глядя в черные с красным глаза ее обитателя. Лекарь, стараясь не шуметь, укладывает в ящик пробирки, запечатанные бронзовыми пробками в виде голов драконов. Тишину нарушает редкое звяканье стекла.

– Что слышно? – ухмыльнулся вампир. – Что скажешь?

– Что происходит? – в свою очередь спросил Санат. Левмир бы вздрогнул, услышав его голос сейчас. В нем не только преобладали знакомые властные интонации. В нем звучала сила.

Вампир развел руками. Лицо сохраняло издевательское выражение.

– Донация. Разве похоже на что-либо иное?

– Это похоже на то, что ты решил уничтожить мою деревню.

– «Мою деревню»! – передразнил вампир, досадливо морщась. Отвернулся и отошел к окну. – Насколько я помню тот разговор с Эмарисом...

– Не нужно напоминать мне слова короля, – перебил Санат. – Ты прекрасно знаешь, что взял чужое. И он знает. Поэтому принял правильное решение, чтобы никого не обидеть. Но то, что сейчас делаешь ты, обижает меня. Как я должен поступить, когда все закончится, Эрлот?

Вампир лорд Эрлот тихо рассмеялся, покачивая головой, будто услышал несусветную чушь.

– А как ты можешь поступить, Паломник? Побежишь жаловаться королю? И что? Он меня накажет? Интересно, как? Это ведь не измена и даже не ослушание. Я просто пользуюсь тем, что в данный момент – мое. Пользуюсь так, как считаю нужным. Если что-то останется – установишь свои порядки. А если нет... Ну что ж, прости. Лорд Эрлот честно выполнил условия соглашения, и не его вина, что ты недоволен.

Эрлот вернулся к ящику, длинный палец коснулся одной из пробирок.

– Это – мальчишки?

– Да, господин, – прошептал лекарь.

Поднеся пробирку ко рту, Эрлот нажал на голову дракона. Из разверстой бронзовой пасти ударила струя крови, Эрлот ловко поймал ее ртом. Пробирка выскользнула из руки, разлетелась вдребезги, оставив на белой плитке алые брызги.

– Левмир, – произнес Эрлот с закрытыми от наслаждения глазами. – Можешь смеяться, Паломник, но я впервые за тысячи лет пробую кровь ребенка. Это нечто совсем иное. Столько огня, столько... страсти!

Санат отвернулся, посмотрел на лекаря, который закрыл ящик.

– Эй, ты, – окликнул Санат человека, протягивая руку. – Делай дело.

– Что? – вздрогнул тот. – Но как...

– Наложь повязку и давай деньги.

Лекарь бросился исполнять указания.

– Паломник, – окликнул лорд Эрлот Саната, когда тот пошел к двери. – Я сюда пришел не для того, чтобы слушать твоё нытьё, а чтобы выяснить, как обстоят дела.

Санат повернулся. Взгляд, как обычно, спокоен и прям.

– Делаю то, что должен делать. И закончу, когда закончу.

– Верю в тебя, – кивнул Эрлот. – Но, на случай, если ты не можешь сложить два и два, дам ценный совет. Чем скорее закончишь, тем вероятнее сохранишь деревню.

***

Левмир сидел на повозке и грыз сушку, которую обнаружил в кармане, когда сунул туда мешочек с деньгами. Сушка, наверное, положила мать. Не то от пережитого волнения, не то от кровопотери Левмир ощущал страшный голод, и сушка пришлась кстати.

Оглядывая двор, Левмир гадал, на какой из повозок прибыл вампир. Все повозки выглядели одинаково: грязные, обшарпанные, запряженные серыми усталыми лошадьми. Представить величественного господина сидящим в таком позорище Левмир не мог. А может, он сам пришел, ногами? Или прилетел... Вспомнив превращение волка в летучую мышь, мальчик вздрогнул.

Из домика вышел хмурый Санат. В отличие от других, ему руку перевязали, а не просто дали держать ватку.

– Ну что, оклемался? – улыбнулся мальчику Санат, остановившись рядом с повозкой. – Пойдем ботинки искать?

– Так ведь уедут без нас, – озадачился Левмир.

Санат отмахнулся.

– Не уедут. Что ж они, по-твоему, с кучей денег прям-таки домой направятся?

Левмир засмеялся и легко спрыгнул с повозки. Голова кружилась, и он покачнулся, но Санат придержал за плечо.

– Нормально?

– Ага, – кивнул Левмир. – Это так...

– Ясно. Давай-ка сперва как следует перекусим. Тут недалеко хорошее местечко есть. Ну? Сам пойдешь, или дота-

щить?

– Сам! – Левмир почувствовал, как остатки крови бросились в лицо. Еще чего не хватало – позволять носить себя, словно малыша!

– Ну, сам так сам. Пошли.

Не успели отойти далеко, шум и крики привлекли внимание. Левмир обернулся.

«Черный Господин», как он про себя называл вампира, вышел на улицу, держа за ручки объемистый ящик. Следом выбежала женщина с желтушным ребенком. Она плакала, младенец надрывался, и сперва ничего нельзя было понять. Черный Господин не очень и старался. Выражение благородной скуки на лице ничуть не изменилось, когда женщина рухнула перед ним на колени.

– Умоляю вас, лорд Эрлот! – кричала она. – Прошу, пощадите! Отрекись, сей же час отрекись от ребенка, только спасите!

Эрлот остановился, посмотрел на протянутое тельце.

– Что это? – спросил он.

– Малыш, малыш мой! – простонала женщина. – Сильно заболел, лекарь говорит, не спасти. Но вы же можете? Умоляю!

– Я не лекарь.

– Но вы же... Вы ведь...

– Что? Вампир?

Женщина закивала, боясь повторить слово.

– Спасите его, пожалуйста, – враз охрипшим голосом повторила она. – Ничего мне не надо, забуду навсегда, только спасите! Нет сил смотреть, как дите умирает. Чем он такое заслужил?

– Никто не знает, почему Алая Река приносит ему то, что приносит, – сказал Эрлот.

– Умоляю, господин лорд Эрлот. Прошу, не откажите! Хоть каждый день кровь сдавать буду, хоть помру здесь – только сыночка упасите!

Вампир протянул руку и взял младенца. Поднес его к лицу. Ребенок замер, крики смолкли. Левмир, вспомнив взгляд Черного Господина, поежился. Даже неразумное дите ощущало страх.

– Хорошо, – сказал Эрлот. – Я возьму его, а ты отречешься. Ступай обратно и не досаждай мне больше.

Женщина билась головой о землю, захлебываясь словами благодарности. Черный Господин не смотрел на нее. Прошел вдоль центра донации, завернул за угол, а чуть спустя оттуда вылетела запряженная четверкой вороных лошадей черная зашторенная карета. Женщина, стоя на коленях, проводила ее взглядом. Постояла еще немного, видно, прощаясь в мыслях с ребенком, потом отерла слезы грязным подолом и побрела обратно в центр.

Санат тронул Левмира за плечо.

– Пойдем, паренек.

В молчании отошли довольно далеко от центра, и тут Са-

нат указал на неприметное строение в ряду таких же. Над рассохшейся дверью покосившаяся табличка с надписью: «Питейное». Видимо, слово было одним из двух или трех, но оставшаяся часть надписи затерлась.

Санат потянул мальчика туда. Левмир запротестовал:

– Мне ведь нельзя...

– Здесь хорошо и недорого кормят, – сообщил Санат. – Пойдем, а то у тебя уже синяки под глазами.

Состояние и вправду оставляло желать лучшего. Больше всего Левмир хотел сейчас свернуться калачиком где-нибудь в тени, да поспать до вечера. А вечером чтобы уже быть дома, потому что обратный путь навевал на него ужас. Столько тащиться по жаре...

Внутри «Питейного» приятный полумрак и легкая прохлада подняли Левмиру настроение. Он приободрился и стал осматриваться. В маленьком помещении, пропахшем ароматом пшеничного пива, чувствуется свежесть недавно вымытых деревянных полов. Когда-то плотно пригнанные друг к другу половицы теперь поскрипывают под ногами. Десяток столиков, разбросанных по залу, кажутся братьями-близнецами.

Пока Санат разговаривал с толстым хозяином, Левмир присел за один из столиков. За окном бегают люди, торопятся, кричат. Сколько же их здесь таких, постоянно суесящихся? Левмир вздрогнул, вспомнив слова Саната о том, что в городе живут лишь те, кто хочет стать вампиром. Но ведь

не могут они все превратиться в вампиров! А даже если и превратятся, разве на их место не придут другие?

– О чем задумался? – отвлек его вернувшийся Санат. Он поставил перед мальчиком большую кружку с чем-то коричневым и пенистым. Левмир понюхал кружку – пахло незнакомо.

– Что это?

– Горячий шоколад. Попробуй, тебе понравится. Это не спиртное.

Мальчик пригубил напиток, оказавшийся не таким уж и горячим. Облизнул губы, сделал глоток и вдруг, сам не заметив, осушил кружку. Ничего более сладкого пробовать ему еще не приходилось.

– Ого! – улыбнулся Санат. – Эй, хозяин, еще шоколада!

– Понял! – послышался голос хозяина из кухни. Оттуда доносится запах жарящегося мяса.

– Так о чем задумался, паренек? – повторил вопрос Санат.

Левмир выложил свои рассуждения о людях, живущих в городе. Выслушав его, Санат кивнул и сказал:

– Ты правильно понял. Конечно, все они вампирами не станут. Никому это не нужно. Многие думают, что обращение – награда от хозяина за хорошую работу, но на самом деле все иначе. Наградой за хорошую работу идет золотая монета. А обращенный работник перестает быть работником. Вампир не должен трудиться, он должен владеть и повелевать. Поэтому тот, кто обратил человека в вампира,

берет на себя заботу о его благополучии. Принимает его, как собственного ребенка. Дает долю из того, чем владеет сам. Ну а теперь сообрази: так ли уж хочется вампирам расставаться с куском?

Левмир снова посмотрел в окно. На что же надеются все эти люди?

– Люди выдумывают сказки и верят в них, – сказал Санат. – Они повторяют сказки друзьям и знакомым. А когда эти же сказки возвращаются к ним из других уст, расценивают это за подтверждение. Вот они и верят, что усердная работа приведет к успеху. Вампиры же получают прекрасную, хотя и недолговечную прислугу. Впрочем, большинство работает даже не на вампиров, а на таких же людей. Делают одежду, готовят еду, держат питейные заведения. Ведь такому количеству людей надо как-то жить, что-то делать в свободное время. Многие забыли, зачем пришли. А еще больше даже не имели выбора – просто родились здесь.

Тут в голове мальчика сверкнула вспышка озарения.

– Так вот чего хотела та женщина! – воскликнул он. – Она просила, чтобы лорд Эрлот сделал его вампиром!

Санат кивнул, и лицо его при этом помрачнело.

– Как хорошо, что он согласился, – сказал Левмир.

Санат молчал. Подошел хозяин, поставил перед мальчиком еще одну кружку с горячим шоколадом и блюдо с золотистыми кусочками мяса. Санату досталась кружка пива.

– Ешь хорошенько, – сказал Санат. – Сегодня отдохнешь,

а завтра проснешься сильным и бодрым.

Левмир упрашивать себя не заставил. Из головы мигом выдуло все мысли о людях и вампирах. Он ел и пил, пил и ел. Заливал тающее во рту мясо восхитительным горячим шоколадом, кусал душистый белый хлеб и только что не урчал от удовольствия. Сквозь пелену этого вкусового дурмана брезжила мысль, что он со стороны выглядит безобразно, как свинья, жрущая из кормушки. Но что он мог поделать?

Покончив с едой, Левмир почувствовал себя значительно лучше, правда, даже думать о том, чтобы куда-то идти, стало лень. Санат с улыбкой смотрел на него.

– Ну? Наелся?

– Ага, – кивнул мальчик. – Спасибо.

Вдруг он понял две вещи. Во-первых, он не с отцом здесь, а во-вторых, у него же есть деньги. Левмир вытащил из кармана мешочек с монетами.

– Сколько нужно? – спросил он.

Санат махнул рукой.

– Я заплатил. А вот деньги лучше за пазуху спрячь. Это город, тут надо осторожнее. Ну, пойдем. Давай-давай, не время лениться! После хорошего обеда нужно хорошо пройтись, а то станешь толстым и страшным.

С этими словами Санат вытащил Левмира из-за стола. Вновь шли по городу. Перед усталым взглядом мальчика мелькали вывески, дома, лица. Лица только человеческие, как ему казалось.

– А почему вампиров почти не видно?

– Они редко выходят при свете дня. Слишком суетно.

К тому же их не так много. В этом городе не больше трех сотен.

Три сотни! Число казалось огромным. В деревне всего-то сотни полторы жителей, если считать с младенцами. Но здесь, в городе, глядя на толпы бегающих вокруг людей, Левмир понял: сотня – это ничто. Если все жители деревни разойдутся по улицам города, им долго придется блуждать, чтобы собраться вместе. Может, даже не один день. А в деревне достаточно громко крикнуть, чтобы тебе ответили.

Наконец, добрались до обувной лавки. Здесь пахло кожей, в окна бил солнечный свет, а хозяин, не в пример хозяину «Питейного», был худым, как спичка, и злым, как черт. Он долго о чем-то пререкался с Санатом, и Левмир понял из его слов только то, что хорошую обувь нужно долго ждать, а вот прямо сейчас ничего поделывать нельзя. Потом как-то невзначай зазвенели монеты, и сразу же перед мальчиком оказалось несколько пар ботинок.

– Примеряй, – сказал Санат.

Никогда прежде Левмир не носил такой обуви. Вроде как и ни к чему казалось. Летом вполне можно бегать босиком, весной и осенью – тоже. А с холодами все больше приходилось сидеть дома, выходя лишь по крайней необходимости. Тогда в ход шли валенки.

Первые ботинки жали с боков, вторые оказались коротко-

ваты, а третьи чуть длиннее, чем надо. Левмир сделал в них несколько шагов по магазину и удивился. Не верилось, будто на ногах что-то есть. Посмотрел на ботинки. Красивые, темно-коричневые, со шнуровкой. Легкие и прочные. В таких можно, не задумываясь, бегать по лесу.

– Хороши? – спросил Санат.

– Ага! – отозвался Левмир. – Только длинноваты. На ноге болтаются.

Хозяин фыркнул, брызнув слюной, и закатил глаза. Санат же опустился перед мальчиком на одно колено и крепко завязал шнурки.

– Теперь попробуй.

Зашнурованные, ботинки сидели гораздо лучше. Левмир на пробу пробежался туда-сюда, не обращая внимания на ворчащего хозяина лавки.

– Здорово!

– Ну и прекрасно. Забираем. Спасибо, уважаемый. – Санат бросил хозяину еще одну монету и повернулся, чтобы уйти.

– Носи на здоровье, малыш, – оскалился хозяин, впервые обратившись к Левмиру. – Эти боты делались для вампира-баронета, да он так и не забрал. На совесть делали!

Левмир вышел из лавки, благоговейно глядя на ботинки. Ноги сами понесли к центру донации. Санат шагал рядом, и Левмир искоса поглядывал на его сапоги. Тоже кожаные, но старые, потертые. Он ведь мог бы и себе купить обнов-

ку...

– Санат, а почему ты мне их купил? – спросил Левмир. – Давай я деньги тебе отдам?

– Нет.

– Почему? Ведь...

– Потому что знаю я деревенских, – вздохнул Санат. – Скажешь, что купил ботинки – ремня получишь, а завтра же отец поедет в город и продаст их. А если узнают, что подарок, слова не скажут, разве что мне. Хорошая обувь хорошо пригодится. Береги. Сильно без толку не таскай – разве если в лес, или еще куда, в дорогу дальнюю. Но и не забывай – носи иногда, чтобы нога привыкала. Понял меня?

Левмир кивнул.

– Спасибо.

– Да, ерунда.

Но это была не ерунда. Левмир пока не мог понять, чем заслужил такое хорошее отношение Саната, но твердо решил как-нибудь отплатить добром за добро.

Возле центра повозок прибавилось, но свою нашли без труда. Деревенские тоже постепенно стягивались, таща большие и малые мешки. Левмир ощутил запоздалое раскаяние: он-то домой ничегошеньки не купил. А вот отец с донации всегда с гостинцами приезжал, да и мать постоянно чего-нибудь приносила. Но, поразмыслив, Левмир решил не рисковать. У него ведь впервые деньги появились, пусть родители сами решают, как с ними поступать. А то и впрямь, вместо

благодарности на ремень нарвешься.

Санат куда-то исчез ненадолго, а потом появился мрачнее тучи, поманил за собой Левмира. Завернули за угол и остановились. Здесь пусто и тихо. У стены – большой деревянный ящик для мусора, рядом – две метлы.

– Хочу тебе кое-что показать, – сказал Санат, глядя в глаза мальчику. – Обещай, что не испугаешься и не убежишь. Обещаешь?

Левмир кивнул, подумав, что скорее умрет, чем побежит, что бы там ни было.

– Просто посмотри и не задавай никаких вопросов. Я хочу, чтобы ты сам все понял. Вспомнил, о чем мы сегодня говорили, и понял. Хорошо?

Еще один кивок.

Санат подвел мальчика к ящику. Оттуда пахло неприятно, но Санат явно хотел, чтобы Левмир заглянул внутрь. И он заглянул.

Посреди месива из окровавленных игл и трубок, ватных шариков и повязок, смятых бумажек и прочего мусора лежал желтушный ребенок. Он не кричал и не шевелил ручками. Лежал на животе, но голова оказалась лицом вверх. Невидящий взгляд теряется в небе. На личике застыло выражение страха и как будто обиды.

Левмир почувствовал, что его начинает колотить крупная дрожь. Глаза застила пелена. Он вспомнил равнодушное лицо Черного Господина, когда тот держал в руке это

тщедушное тельце. Наврал... Он просто наврал той женщине и убил ее ребенка, прежде чем она успела зайти в центр. Левмир не знал, чего в нем сейчас больше – бессильного гнева или ужаса перед такой страшной, такой нелепой смертью. «Так ли уж хочется вампирам расставаться с куском?» – вспомнились слова Саната.

– Это не потому что он злой, – сказал Санат, будто почувствовав, что в мыслях мальчик обратился к нему. – Просто ему плевать. Понимаешь? Ну а теперь пойдём. Пора домой.

Глава 4

Медальон

Аммит спустился по мраморной лестнице к пруду, и в свете одинокого фонаря увидел сидящую на скамейке у самой воды свою подопечную. Сегодня принцесса Ирабиль явилась на тренировку в платье и туфельках, такая красивая, что Аммит остановился в тени вяза, любуясь, будто картиной гениального художника. Волосы принцессы, собранные в высокую прическу, переливаются золотом и серебром. Ярко алеют губы на молочно-бледном лице. Девочка смотрит на воду через правое плечо, застыв в этой позе, словно специально позволяет себя разглядеть.

Аммит вышел на площадку перед прудом. Ирабиль повернула голову и улыбнулась. Ей нравился Аммит. Сегодня он, как всегда, в плотной кожаной куртке с множеством карманов и прорезей. Тяжелые ботинки мягко, почти неслышно касаются полированной поверхности камня.

– Опаздываешь, старик! – засмеялась принцесса.

Аммит улыбнулся в ответ и, прикрыв глаза, изменил возраст. Исчезла седая борода, волосы стали каштановыми, сгладились морщины. На принцессу смотрел мужчина лет сорока, не больше. Ирабиль надула губы:

– Хорошо тебе. А я могу только прикинуться младенцем...

– Зато я этого уже не умею, – развел руками Аммит. – Не расстраивайтесь, принцесса. Возраст – это то, чего мы всегда сможем достичь. А вы сегодня нарядились...

– О, да! – Глаза принцессы заблестели, она соскочила со скамьи, подлетела к Аммиту. – Я бы хотела научиться так. Можно?

– Вам можно все, что угодно. Правда, мне кажется, вы опять торопите время. Не лучше ли как следует отработать обычные превращения?

– Аммит! – Принцесса, поднявшись на цыпочки, заглянула ему в глаза. – Нужно срочно! Ты мне друг?

Ирабиль с важным видом протянула учителю мизинец. Тот пожал его своим мизинцем.

– Друг.

– Значит, научишь? И чтобы никому!

– Договорились. Начнем?

Принцесса отступила на шаг, сложила ладони перед собой и приготовилась слушать. Аммит заговорил:

– Ваш нынешний облик является основным. Все остальные формы, которые вы можете принять, создаются на основе настоящего тела. Вы без труда возьмете с собой одну вещь, если как следует на ней сосредоточитесь – но это мы усвоили.

Ирабиль кивала, выражая нетерпение. Аммит украдкой вздохнул и продолжил:

– Что касается превращений с множеством предметов

одежды, то здесь требуется иной подход. Нет, конечно, вы можете усилием воли сосредоточиться на каждом предмете, но это заберет все ваше внимание и немалую толику силы. После обратного перехода вы будете истощены, кровь потребуется сразу. Поэтому тот, кто желает превратиться и сохранить полное облачение, должен прибегнуть к умножению сущностей.

– Это как туман, да? – Принцесса наморщила нос. – Мне не нравится туман. Очень медленно и... странно.

– Туман – самый простой вариант, – кивнул Аммит. – В других формах это стая волков или летучих мышей.

– Стая? – захлопала глазами принцесса. – Но как...

– В момент превращения – нужно будет почувствовать этот момент, когда сознание словно соскальзывает вниз! – разделите его на части с твердым желанием забрать с собой каждую вещь. В этот миг все изменится, но вы быстро освоитесь. Стая волков побежит туда, куда вам захочется, или разделится по вашему желанию. Это сравнимо с тем, как если правой рукой вы срываете с дерева яблоко, а левой подбрасываете мяч, прыгая на одной ноге. Неудобно, но после небольшой практики будет получаться.

– А как вернуться назад, если я буду стаей? – озадачилась принцесса.

– Идеальный способ – собраться всей стаей в одном месте и, ощутив единство из множества, превратиться обратно. Тогда все получится безукоризненно.

– А если вся стая не соберется?

– Из любой части стаи вы сможете вернуть себя, но только себя. Возможно, с одной вещью, которая пребывала в сознании этой части. Давайте начнем с тумана. Помните: как только скользнете вниз, нужно рассыпаться!

Принцесса сделала шаг назад, зеленые глаза закрылись. Глубокий вдох, и сердце остановлено. Исчезло волнение, по телу прополз холодок, мысли заструились спокойнее. «Туман!» – подумала принцесса. Ничего не произошло. Тогда она не просто подумала, но отдала приказ самой себе: «ТУМАН!» В темноте, с закрытыми глазами, принцесса почувствовала, как летит вниз, будто земля расступилась под ногами. Тогда, быстро перебрав в голове каждую из надетых вещей, приказала вновь: «РАЗДЕЛЕНА!»

Вокруг туман, ничего не разглядеть, кроме белого морозка. Потом, довольно быстро, пришло осознание, что она уже не целое, а смотрит сама на себя мириадами частичек. Сосредоточившись, принцесса изменила углы зрения, и в мыслях пронесся восторженный вздох. Она одновременно видела пруд, ярко освещенную белую громаду дворца, звездное небо, старый вяз, мраморную лестницу, каменные плиты, на которых только что стояла, и замершего со сложенными на груди руками Аммита.

«Получилось!» – возликовала принцесса. Теперь она ощущала себя как нельзя более цельной. Раньше, во время обычных превращений, сознание словно металось в облаке ту-

мана, боясь потеряться. Теперь принцесса повелевала им так же легко, как рукой или ногой. Туман растянулся над прудом, свернулся кольцом вокруг него. Наконец, принцесса разделила туман на два клубка, задержав их по разные стороны пруда.

Наигравшись вдоволь, собралась в единое целое, по туману пролетел безмолвный приказ: «ВЕРНУТЬСЯ!»

Краткий миг темноты, ощущение взлета. Принцесса открыла глаза и первым делом посмотрела вниз. Платье, туфли...

– Получилось! – запрыгала, хлопая в ладоши. – Аммит, спасибо! Это просто здорово!

В порыве чувств Ирабиль обняла учителя, и он, что-то проворчав, похлопал ее по спине.

– Неплохо, – заметил Аммит, когда принцесса успокоилась. – Обратное превращение получилось довольно медленным. Эту практику изобрели древние воины, чтобы стремительно атаковать врага. Медленное исполнение уничтожает всякий смысл.

– Но я ведь не воин! – засмеялась Ирабиль. – Мне для другого...

– Вот теперь я, как ваш учитель и телохранитель, должен задать вопрос. Для чего же вам этот навык?

Принцесса, прищурившись, долго смотрела на Аммита, потом сказала:

– Я еще потренируюсь. Чтобы получалось хорошо.

Аммит склонил голову. Наблюдая за тем, как принцесса снова и снова превращается в туман, летает над прудом и осматривает платье, обернувшись собой, он ощутил острую жалость к этому одинокому созданию. У принцессы, пожалуй, было все. Любящий отец, множество знакомых, каждый из которых всегда готов улыбнуться и погладить по голове. Вокруг увивались слуги, да и сам Аммит большую часть времени уделял ей. Но не было друга, с которым Ирабиль могла бы играть, которому доверила бы тайные помыслы. Сейчас Аммит жалел, что не может стать ей таким другом. Принцесса явно тяготилась какой-то мыслью. Она что-то планировала, но что?

Отдаленный звук шагов достиг ушей Аммита, он развернулся, вглядываясь в темноту.

– Кто там? – шепнула появившаяся рядом принцесса с таким таинственным видом, что Аммит едва не расхохотался.

– Сейчас увидим.

Сквозь заросли кустов показалось бледное лицо в обрамлении черных волос.

– Лорд Эрлот, – сказал Аммит. – Идет к вашему отцу. Полагаю, хочет лично отдать дань.

Лорд Эрлот поднимался к дворцу по Западной лестнице. Стремясь показать свою открытость и доступность для всех, король Эмарис велел выстроить дворец, войти в который можно с любой стороны. Четыре мраморные лестницы – Северная, Восточная, Южная и Западная – служили этой це-

ли. А еще четыре, расположенные между ними, вели к живописным уголкам владений короля. В каждом из них по очереди тренировалась принцесса.

– Послушай, Аммит, – зашептала Ирабиль. – Я попытаюсь проверить это с мышами?

– Я бы порекомендовал сначала потренироваться с накидкой, – заметил Аммит. – Потом можно будет усложнить...

– Времени нет! – всплеснула руками девочка. – У меня все получится, я уверена! Ты дождешься?

– Даже если придется умереть от жажды, – улыбнулся Аммит. – Вперед, принцесса. Раз уж решились – действуйте.

Ирабиль отпрыгнула от него, удивительно легко сохраняя равновесие в туфельках с высоким каблуком. Закрыв глаза, глубоко вдохнула и рассыпалась на сотню пищущих серебристо-серых мышей. Зверьки бестолково толклись в куче, потом замерли и развернулись в сторону дворца. Одна мышка отделилась от общей кучи, попробовала взобраться на ступеньку, но сорвалась и, пискнув, упала на спину. Аммит с улыбкой наблюдал за ее злоключениями.

Мышка не стала больше штурмовать неприступную крепость лестницы. Она побежала в обход. В том миг, когда ее лапки коснулись земли, она остановилась и посмотрела на оставшихся. Потом медленно, будто тяжело на что-то решаясь, повернулась и, прыгнув, исчезла в траве. Аммит проводил ее взглядом, посмотрел на остальных мышей. Постепенно, по мере того как сознание принцессы сосредотачи-

валось на мышке-лазутчице, остальные начинали жить собственной жизнью. Инстинкты брали верх над крохами человеческого разума. Мыши разбрелись по площадке, обнюхивая все любопытными носами. Несколько принялись обследовать ботинки Аммита. Они испугались бы его, будь он человеком, но запах вампира не показался угрожающим. Кроме того, где-то в глубине маленьких головок звонкий голос принцессы говорил: «Это Аммит, он хороший!»

Довольно скоро мыши разбежались по сторонам, на площадке не осталось ни одной. Аммит покачал головой и вдруг исчез. Крупная летучая мышь взвилась в воздух, черные крылья понесли ее в сторону дворца. Вскоре она вернулась, и вот, вместо нее сидит на скамье Аммит. Руки сжимают небольшой сверток. Любуясь рябью воды в лунном свете, теплохранитель ждет возвращения принцессы.

***

Лорд Эрлот с ящиком в руке поднялся по Западной лестнице. Дверь открылась, не пришлось даже сбавлять шага. Длинный коридор, предупредительно кланяющиеся слуги, золотые канделябры с горящими свечами, картины в массивных золотых рамах, изображающие батальные сцены Второй Великой Войны, что окончательно расставила все на свои места более двух тысяч лет назад. Лорд Эрлот миновал и картину, изображавшую его самого, одним из первых ворвав-

шегоя в Черную крепость. Несколькими днями позже крепость разрушили, а на ее месте вознесся прекрасный дворец, который сейчас мерил шагами лорд Эрлот. Под ногами змеилась красная линия, выложенная множеством сердоликов – Алая Река, ток которой направляет все сущее.

Посреди первого этажа сиял, залитый светом множества ламп, тронный зал. Пол выложен каменными плитами, стены искрятся голубоватым мрамором. Десять белых колонн удерживают над головами посетителей сверкающий золотом потолок.

Эрлот не заметил маленькую мышку, шмыгнувшую мимо него вперед, держась в тени у самой стенки. Только слуга, кланяясь лорду, поморщился. Видно, в кладовой появились щели. Нужно сказать управляющему. Если видишь одну мышь – значит, еще десяток их оказались более осторожны.

Король Эмарис, высокий и широкоплечий, стоял посреди зала, ожидая гостя. Он не признавал никаких регалий и знаков отличия. Простой зеленый камзол, брюки грубого покроя, короткая стрижка. Властителя в нем выдавал взгляд – тот самый взгляд, которым, говорят, король мог убивать. Издалека, ощутив на себе силу этого взгляда, Эрлот моргнул и уставился на ноги короля. Туфли тоже самые простые. За два тысячелетия правления Эмарис ни разу им не изменил. Туфли снашивались и отправлялись в мусор, но тут же очередной человек-мастер делал новые, такие же.

Однажды Эрлот спросил короля о причинах такой привязанности, и тот сказал: «Живущие вечно нередко путаются в переменах. Им важно видеть перед собой что-то неизменное, безоговорочно надежное. Иногда достаточно такой мелочи, как туфли на ногах короля».

Эмарис стоял, положив руку на стол для подношений. Сзади – просторное кресло красной кожи, заменяющее трон. Правитель редко садился в него, только во время торжественных церемоний, вроде Посвящения. Но и Посвящения не проводились больше трех сотен лет. Две лестницы ведут вверх, в обеденный зал.

Эрлот склонился, выражая почтение монарху. Король нетерпеливо шевельнул пальцами руки – ближе к делу. Эрлот поставил ящик на стол для подношений.

– Явился по вашему зову, – сказал Эрлот. – И, раз уж так вышло, решил лично принести дань.

– Очень любезно с твоей стороны, – кивнул Эмарис. – Как дела у Паломника?

– Вы же знаете, он не очень болтлив со мной. Считает, что я его лично обидел. Никак не хочет понять, что обстоятельства...

– Эрлот, – перебил король. – Мне не нужно сейчас это выслушивать. Я спросил, как он справляется с заданием.

Маленькая мышка, все еще незамеченная, затаилась в тени ножки стола, и будто прислушивалась к разговору.

– С его слов все прекрасно, – сказал Эрлот. – По крайней

мере, он точно вошел, и его держат за своего.

– Хорошо, – кивнул Эмарис. – Пойдем. У меня есть для тебя кое-что.

Эрлот успел подхватить ящик раньше короля и широко улыбнулся.

– Не стоит трудов. Я донесу, если уж нам по пути.

Эмарис не стал комментировать эту выходку, на лице не проступило ни намека на чувство. Только мышка заметила, что шаг короля стал короче обычного. Визитер раздражал его.

В Северной галерее, где сегодня ни одного слуги, за монолитной дубовой дверью между двумя картинами скрывалось еще одно помещение. Король вынул из кармана ключ, отпер замок. В просторной комнате на стенах висят мечи, пики и алебарды, сабли и рапиры, боевые топоры и палицы. На стеллажах – ящички, подобные тому, что принес Эрлот. Увидев свободное место, король указал туда, и лорд поставил ношу. Король и лорд подошли к шкафчику, стоящему в углу. Он также запирался на ключ, король открыл его. Взгляду Эрлота предстали груды бумаг, заполняющих нижние полки. На верхних – аккуратные стопки бронзовых медальонов, размером с большую монету.

Король Эмарис повернулся к лорду Эрлоту.

– У тебя ведь никогда не было своей деревни, так? – спросил он.

– Своей? Вы имеете в виду...

– Да, я имею в виду «своей». Выращенной своими руками. На которую никто не сможет предъявить права, кроме тебя и твоих возможных детей.

– Нет, – покачал головой лорд. – Никогда.

– Взгляни сюда. – Король достал карту с нижней полки и поочередно указал пальцем в три места. – Плодородные земли на севере, целина на юге и лес на северо-западе. Как тебе?

Лорд Эрлот молчал, не понимая, к чему клонит король.

– Хочу, чтобы ты основал там поселения. Это будут твои деревни, целиком твои. Никакой дани с них. Понимаешь?

Глаза Эрлота блеснули.

– Большая честь для меня, – сказал он. – Но...

– Но все бывшие деревни герцога Освика ты передашь Паломнику, когда он закончит дело.

Эрлот долго не решался посмотреть на короля, а когда осмелился, взгляд его выражал смирение.

– Слушаю и повинуюсь, ваше величество.

Никто из них не заметил маленькую мышку, бесшумно вскарабкавшуюся по стенке шкафа. Схватив зубами медальон, она шлепнулась на пол и бросилась наутек.

– Я дам тебе тридцать медальонов, – сказал Эмарис, обернувшись к шкафчику. – Это по десять производителей на деревню. Для начала хватит, а через поколение... Посмотрим.

– Но кто...

– А это вторая часть нашего разговора. Ты потребуешь

производителей у Атсамы.

– У Атсамы? – скривился лорд Эрлот. Потом другое слово привлекло его внимание. – Потребую?

– Потребуешь моим именем, когда подтвердишь то, что я скажу тебе сейчас. Я знаю, она устраивает охоту. Выясни, когда и как она это делает. Принеси мне список тех, кто в этом участвует. Ей же передашь мои слова. А я говорю так: «Сойдет с рук лишь однажды. Цена – тридцать лучших. Пятнадцать мужчин и пятнадцать женщин». Впрочем, думаю, будет разумно, если ты сам их выберешь.

Эрлот с поклоном принял тридцать медальонов. Выпрямившись, он решил посмотреть в глаза королю еще раз.

– Я услышал каждое слово, мой король, – сказал он. – Поверьте, я вас не разочарую.

– Не говори так, Эрлот, – покачал головой Эмарис. – Просто не разочаровывай. Жду вестей насчет Атсамы в ближайшее время.

Еще раз поклонившись, лорд Эрлот вышел из помещения. За спиной щелкнул замок, запирающий дубовую дверь.

– Эрлот! – настиг его оклик короля.

С заискивающей улыбкой лорд Эрлот обернулся.

– Да, мой король?

– Хочу внести ясность. – Король подошел к Эрлоту и положил руку на плечо. – Я не желаю слышать о гибели Атсамы. Ее проступок, если ты его подтвердишь, должен быть наказан, но не так. Она полезна, хорошо управляется со сво-

ими деревнями.

– Я даже не думал...

– Всего лишь говорю те слова, на которые потом смогу сослаться. – Глаза Эмариса блеснули. – Я глубоко расстроен смертью Освика, но готов признать, что Алая Река вынесла ему приговор, который поздно обсуждать. Однако второй раз я не спишу все на Алуя Реку. Если ты меня понимаешь – иди.

Эрлот прошел длинным коридором, чувствуя, как вонзается в спину неусыпный взгляд короля. Руки стискивают медалионы – по пятнадцать в каждой. Слуги безмолвно кланяются. Горят свечи, освещая картины. Спустившись по мраморной лестнице, Эрлот улыбнулся.

***

Аммит проводил взглядом Эрлота. Он не мог видеть лица, но почувствовал смятение, исходящее от лорда. «Надо поразмыслить над этим и поговорить с королем», – решил Аммит.

На площадку перед прудом выбежала мышка. Она двигалась с трудом, таща в зубах что-то блестящее. Аммит следил за ее действиями, держа сверток наготове. Мышь разжала челюсти, медальон звякнул о камни. Маленькие черные глазки взглянули на Аммита, мышь исчезла. Вместо нее появилась принцесса Ирабиль. Едва раскрыв глаза, она подпрыгнула,

взвизгнув от восторга, и захлопала в ладоши.

– У меня получилось! – воскликнула девочка. – Они даже ничего не заметили, Аммит, и я... Ой!

На плечи принцессы мягко опустилось покрывало, то самое, в котором она всегда отработывала превращения.

– Ой-ой, – забормотала Ирабиль, кутаясь в покрывало. – Я забыла...

– Вы забыли собрать всех мышей здесь, принцесса, – с улыбкой заметил Аммит. – Ничего. Для первого раза удачи с туманом вполне хватит. Многие даже такого добиваются далеко не сразу.

В смущении принцесса прятала взгляд от Аммита, и он понял один из мотивов, заставивших ее просить о такой тренировке. Девочка начинала стесняться наготы. Сама она не дошла бы до такого, значит, появилось что-то в ее жизни, о чем Аммит не знал.

– Принцесса, – сказал он. – Для меня вы навсегда останетесь маленькой девочкой.

– Но я ведь не такая и маленькая, – буркнула девочка. Лед растаял. Ирабиль улыбнулась, все еще не решаясь поднять взгляд. – Что теперь будет с моим платьем?

Аммит развел руками.

– Утром его найдет садовник. Милый парнишка, но, боюсь, находка натолкнет его на непозволительные мысли относительно того, что обычно скрывает платье. Парнишке придется умереть. Вампиры всегда остаются для людей таин-

ственной и недоступной сказкой. Даже ценой жизни людей.

Аммит пошел к лестнице, полагая занятие оконченным. Острый слух различил шуршание покрывала и чуть слышный лязг – принцесса наклонилась и подняла медальон.

– Зачем он вам? – спросил Аммит, остановившись. Он не оборачивался, чтобы не смущать принцессу. – Я должен что-то знать?

– Нет, ничего такого, – отозвалась принцесса. – Просто он нужен мне... Для игры.

– Ясно, – сказал Аммит. «Конечно, для игры, – подумал он. – Я должен поверить, что вы все еще играете в игры? Разве что это игры с людьми».

– Аммит! – позвала принцесса.

На этот раз он обернулся – в голосе девочке звучало нечто большее, чем просто смущение.

– Что такое?

– Аммит, я не хочу, чтобы садовник умирал.

Они смотрели друг на друга в лунном свете, и ни один не отводил взгляда. Аммит развел руками.

– Ладно, маленькая госпожа, – сказал он. – Идем искать платье.

***

Через день уходили обозы в город, унося злых, плюющих-ся людей, а назад возвращали поникших и обессиленных.

Жара довершала дело. Стихли на улице крики, прекратились игры и прогулки. С прополкой покончили, предоставив сорнякам волю. «Все равно солнце урожай попалит», – говорили старики.

Только малые детишки все еще бежали на улицу, ища спасения от тоски, поселившейся в домах. Им невдомек, что за беда посетила деревню. Дети просто затаили еще одну обиду на непонятный мир взрослых. Левмир смотрел на них в окно и думал, что еще несколько дней назад носился бы с ними, играя в догонялки или пиная сшитый из тряпок мяч. Сейчас же прятался дома, в спасительной тени, и только мысль о ночи, с ее прохладой и тишиной, немножко бодрила. Как будто сам стал вампиром.

Слабость прошла через четыре дня после донации. Один день Левмир ходил веселым и довольным, а потом его будто каменной плитой придавило: еще два дня, и все повторится. Но будет хуже, как без обиняков сказал отец. «Что же делать?» – спросил Левмир. «Ждать, – отозвался староста. – Придется скотину резать, без мяса быстро ноги протянем. Ну ничего. Не может вечно так...»

Другого мнения придерживался Санат. Собрания у него дома проходили каждый вечер, Левмир тоже на них выбирался. Это было тем проще, что и отец его стал там завсегда-таем. «Им плевать на то, что с вами происходит, – говорил Санат. – Вымрет деревня или нет – дело временное. Нагонят еще народ, дадут им вольную лет на двадцать, а там и нач-

нут снова кормиться. Что такое двадцать лет для вампира, который живет больше тысячи лет? Которого на заре времен породила Алая Река?»

Все молчали, пытаясь представить такую невероятную древность, и не могли. Что такое тысяча лет для человека, который лишь двенадцать раз видел, как зиму сменяет лето? Так ли уж велика разница между двенадцатью и сорока?

«Так что ты предлагаешь?» – обязательно спрашивал кто-нибудь. «Я? – Санат пожимал плечами. – Ничего». Что-то зрело в маленьком, битком набитом людьми домике. Что-то отчаянное и недоброе, чего пока еще никто не решался высказать.

В ночь перед следующей донацией Левмира устроили гуляния. Так случилось, что на эту ночь выпала середина лета, которую всегда широко и весело отмечали. В этом году никто не говорил о гуляниях – не то настроение. Но Саквобет за несколько часов до заката решительно и быстро распалил деревню жаркими речами с обилием матерных слов. Общий же смысл его разглагольствований сводился к тому, что «Да и черт с ними, с вампирами этими! Что ж нам теперь, и погулять не выйти?» Медленно и нерешительно молодежь вылезала из домов. С закатом ушли к реке.

Когда в деревне стало тихо, и луна взошла достаточно высоко, Левмир прыгнул из окна и побежал в лес. С непривычки частенько спотыкался в новых ботинках, но даже мысли не допускал оставить их дома. Хотелось покрасоваться перед

подругой.

Выбежав на знакомую полянку, Левмир остановился. Он просто лишился дара речи, а когда наконец смог нормально соображать, пожалел, что не оставил ботинки дома. Разве можно удивить подобным ее? Девочка стояла спиной к Левмиру, высоко подняв руки, и плавно двигалась, будто танцуя под неслышную мелодию. Левмир узнал ее по волосам – и только. Накидки, которую он ожидал увидеть, не было. Вместо нее стройную фигурку облегает пышное белое платье, сделанное из материала, которого Левмир раньше никогда не видел. Наверное, даже первый выпавший снег не смог бы сравниться по белизне и мягкости с этим платьем. Бросив взгляд на ноги девчонки, Левмир увидел такие же белые туфли и чулки.

– Пришел? – обернулась И. – Долго ты. Умеешь танцевать? Иди сюда!

Левмир шагнул к ней, лихорадочно обдумывая услышанное. Надо же, то ей рано, то ей долго – не угодишь! Да еще и танцевать... Что?

– Я не умею. Не хочу! – шарахнулся Левмир, когда И, легко подскочив к нему, положила руки на плечи. Сияющие глаза девочки смотрели прямо в его, смущенные.

– Это не важно, – сказала И. – Я хочу! Давай, эту руку сюда, эту вот так... Теперь шагай вот так вот... Стоп-стоп-стоп! Погоди.

Снова не успел разглядеть ее движения. Миг – и она возле

бредна. Скинула туфли, стянула чулки и вернулась босиком.

– Раздавишь мне все туфли к чертовой матери, – пояснила И. – Ну? Давай еще!

За ноги она не беспокоилась, но Левмир все же потратил немного времени, чтобы развязать шнурки и сбросить ботинки.

– Хорошие ботинки, – сказала И. – Береги, пригодятся.

– Санат то же самое говорит, – заметил Левмир.

– Санат любит говорить то же самое, ничего другого ему и в голову не придет! – засмеялась И. – Ну, давай сюда. Запоминай!

Довольно быстро Левмир научился переступать так, как хотела взбалмошная девчонка. Привык обнимать ее одной рукой, другой чувствуя прохладные пальцы. Танец ничуть не напоминал те бодрые пляски, которые видел Левмир на гулянках и посиделках. Те, что наверняка сейчас происходили где-то далеко, у реки, возле костра. Здесь же – только свет луны, журчание ручья и девчонка, равной которой нет в целом мире. Теперь она не похожа на деревенскую дурочку, а вот на фею – все больше и больше.

«Заведет она тебя... Не туда».

– Разве без музыки танцуют? – спросил Левмир, когда тишина начала смущать.

– Кто? – удивилась И.

– Ну... Все.

– Вот не знаю. По мне так пусть хоть через луну прыгают.

Но если хочешь, можно и под музыку.

Девочка принялась напевать какую-то мелодию. Закрыв глаза и покачиваясь в такт, она будто забыла о существовании всего мира. Левмир не мог оторвать взгляд от ее лица. Сердце колотится быстрее, дыхание перехватывает. Кто она? Откуда? Где живут такие волшебные создания?

Девочка напевала без слов, то повышая, то понижая тон, но ни разу не прервалась. Это показалось Левмиру невероятным. Он наклонился ближе, чтобы услышать ее дыхание, но И вдруг ответила на движение, прижавшись теснее. Танец продолжался, песня лилась, перемежаемая журчанием ручья.

Блекла луна, небо серело, близился рассвет. Левмир видел все это, но не мог прервать волшебного танца. Понимал, что осталось всего ничего до утра, до поездки на донацию, после которой он и так будет – тряпка тряпкой, а тут еще бессонная ночь. Левмир все понимал, но чувствовал на шее ароматное дыхание И, ощущал ее пальцы, теперь теплые и нежные, необычную ткань платья, гладкую кожу под ним. Боялся резко вдохнуть, чтобы не разрушить сказку.

Мелодия, которую напевала И, сошла на нет. Стало тихо, лишь ручей журчал, да где-то далеко начали чирикать птицы. Дети замерли посреди полянки. Медленно И открыла глаза, посмотрела на Левмира.

– Спасибо, – шепнула она.

– За что? – хриплым шепотом отозвался он.

– За танец. Я раньше никогда взаправду не танцевала, только с учителем.

Девочка шагнула назад, разрывая объятие. У бревна обулась. Левмир тоже надел ботинки, чувствуя какую-то незавершенность. Будто он что-то должен сказать или сделать, но не сделал, и это сверлило ему сердце.

– Пора, – сказала И. – Беги домой. Подожди! Совсем забыла. Вот.

Подойдя к мальчику, сунула ему в руку что-то, напоминающее монету. Левмир поднес подарок к глазам. Монета оказалась необычной, на ней была выгравирована голова дракона и все. На краю Левмир увидел маленькое ушко, будто бы для того, чтобы продеть шнурок.

– Давай так, чтобы не потерял. – И выдернула откуда-то из рукава платья белую ленточку, от чего рукав немного потерял форму, и, скрутив ее в тонкий шнурок, продела через ушко на монете. – Иди сюда.

Левмир наклонился, и девчонка завязала ленточку у него на шее.

– Вот так, – пропела она, спрятав монетку ему под рубашку. – Смотри, никому этот медальон не показывай. Это наш секрет, понял?

– Понял, – кивнул Левмир. – А что...

– А когда придешь на донацию, там его покажешь. И все. Ничему не удивляйся, ничего не говори. Просто покажи и спокойно жди. Ну все, беги, мне нужно... В общем, беги!

Левмир сделал несколько шагов и обернулся. Девчонка смотрела на небо, на лице появилось выражение озабоченности. Заметив, что Левмир остановился, И поморщилась.

– Ну чего ты? Иди! Утро почти!

– А мы увидимся еще? – спросил Левмир, краснея.

Улыбнулась:

– Через неделю. Приходи?

– Обязательно! – заверил ее Левмир. – Пока!

Девчонка махнула рукой. Когда Левмир еще раз обернулся, дойдя до первых деревьев, полянка опустела. Он шагнул к дому, сжимая под рубахой медальон. Ленточка пахла так же, как И, Левмир то и дело подносил ее к носу.

Глава 5

Секреты вампиров

Она неслась среди деревьев, спотыкаясь о выпирающие корни. Петляла, путая след, не в силах смириться с тем, что бежать бесполезно. Преследователи близко, смыкается круг. Сзади слышится волчий рык, слева клубится туман. Стая летучих мышей с писком вьется над головой.

Под ногами образовался овраг, и жертва, вскрикнув, скатилась вниз. Летучие мыши пролетели дальше, рычание затихло. Неужели шанс? Жертва поднялась на ноги и побежала по дну оврага, пока края не снизились настолько, чтобы выскочить из него. Слева, далеко позади, взвыл волк. Тумана не видно. Неужели...

Впереди просвет. Жертва удвоила усилия, и вскоре побежала на проторенную через толщу леса дорогу. Влево – город, царство смерти. Вправо – деревня. Муж, дети, привычная каждодневная работа. Жертва побежала направо. Старалась не замечать потрескивания сучьев, доносящегося из леса, изредка мелькающих силуэтов и заливистого смеха. Пусть это все будет разыгравшимся воображением. Лишь бы дотянуть до рассвета!

Черная фигура в развевающемся плаще замерла посреди дороги. На миг жертва сбилась с шага, но стоящий поманил к себе, и она решилась. Жертва помнила всех пятерых охот-

ников, и этот не походил ни на одного из них. Жертва упала в его объятия, задыхаясь от бега и пережитого страха, глотая слезы.

– Ну-ну, тише, – улыбнулся вампир. – Сейчас все закончится.

На дороге выскочили пять охотников в одинаковых серых балахонах, и возглас разочарования вырвался из их глоток. Жертва, с которой они столько времени увлеченно играли, безвольно повисла в руках чужака, допивающего последние капли. Миг – и безжизненное тело лежит на обочине, уставившись на луну гаснущими глазами. Одна из серых фигур вышла вперед.

– Лорд Эрлот! – прозвучал гневный женский голос. – Ты испортил нам всю игру!

Эрлот улыбнулся, язык скользнул по окровавленным губам. Кровь, выпитая из горла живого человека, да еще в таком количестве, будоражила. Чувства обострились, мысли разбежались в разные стороны, вопя от наслаждения. Взяв себя в руки, Эрлот окинул взглядом охотников. Та, что вышла вперед – миледи Атсама. Хотя капюшон скрывал лицо, голос не оставлял сомнений. Остальных пока опознать не получалось. Они застыли на почтительном расстоянии, пряча лица.

– Ну так пожалуйста королю, – сказал Эрлот. – Впрочем, не беспокойся – сам доложу. Тем более что я здесь по его просьбе.

Эрлот сделал вид, что хочет уйти, но миледи Атсама схватила его за руку. Нет, она не была смелой – просто находилась в своих владениях. К тому же помнит об участии герцога Освика.

– Ну, погоди же, милый, – проворковала миледи. – К чему торопиться? Давай поговорим, посмотрим, что можно сделать...

Белая ладонь с изящными длинными пальцами отбросила капюшон, и по плечам рассыпались густые темно-рыжие волосы, почти черные в лунном свете. Безупречные черты надменного лица кривились в непривычной заискивающей гримасе. Остальные охотники тоже сняли капюшоны. Эрлот узнал вытянутое лицо Варэлла, седые нечесаные патлы Каммата, приглаженные жиром волосы Мэросила и широкие скулы Олтиса.

– Давно не виделись! – Эрлот развел руки, словно для объятия. – Надо же, какая неожиданность. Все лорды здесь. Неужели кроме меня у короля не осталось верных соратников?

– Давай ближе к делу. Чего ты хочешь? – сказала Атсама. Эрлот смотрел на нее холодным взглядом.

– Речь не о том, чего хочу я, а о том, чего хочет король, – заговорил он. – Король хочет, чтобы я разобрался с вами так же, как с Освиком. Король хочет, чтобы его слово означало закон. И я его в этом прекрасно понимаю. Уничтожить ради одного ужина девушку, которая может кормить тебя еще

лет сто – что может быть нелепее?

Атсама рассмеялась.

– Ты так и не запомнил человеческих сроков, Эрлот? – сказала миледи. – Сто лет? Пятьдесят – в лучшем случае. Может, шестьдесят. Считая со старостью, а кровь стариков, сам знаешь, никуда не годится.

– Что ж, если тебе хочется обсудить это...

– О, нет, нет! – взмахнула руками миледи. – Давай обсудим другое. Что мы можем для тебя сделать, чтобы король остался доволен докладом? Хочешь поучаствовать в следующий раз? Поверь, нет ничего увлекательнее! Мы можем взять побольше жертв, чтобы добавить игре огоньку.

Мысль о том, чтобы еще разок вонзить клыки в тело человека, дать им, наконец, выполнить данное природой предназначение, заставила Эрлота непроизвольно вдохнуть. Ночь наполнилась ароматами.

– Я не играю в игры, – покачал головой Эрлот, пряча взгляд. – Меня интересует только то, что годится в пищу. Люди и их кровь. Поговорим об этом? Есть некоторые соображения.

Но миледи заметила его замешательство. Она оглянулась на сообщников, шагнула вперед и, понизив голос, заговорила:

– Брось, Эрлот. Хватит играть в послушную собачку. Как насчет встретиться в более приятной обстановке? Мы можем запустить наши сердца, выпить по бокалу вина, а потом...

Ну, вспомним, каково это – быть людьми.

– Ночь перед казнью? – улыбнулся Эрлот. – Что ж, вряд ли я смогу тебе в этом отказать.

Миледи отстранилась. В глазах мелькнуло что-то крайне опасное, что очень понравилось Эрлоту. Атсама злилась и боялась, теперь все стало на свои места.

– Король пообещал мне тридцать производителей из твоих деревень, – заговорил Эрлот громче. – Я почти выполнил работу, так что могу и успокоиться. Эти тридцать – уже мои. Если ты хочешь меня заинтересовать, то давай начнем с шестидесяти.

– Сколько? – Миледи отшатнулась. – Да ты сошел с ума! Эрлот, ты воображаешь, что это такое – вырвать из деревни шестьдесят лучших? Ты понятия не имеешь! Если их столько и наберется, то деревне придет конец!

– Можно подумать, у тебя одна деревня, – пожал плечами Эрлот. – Переживут.

Атсама выглядела как ребенок, у которого взрослый отбирает куклу.

– Ты же понятия не имеешь, каково это – управлять деревней, – прошипела она. – И уж, само собой, не знаешь, как важны производители.

– Вот и займись на досуге. – Эрлот похлопал ее по плечу. – Идем к тебе? Хочу посмотреть записи и выбрать тех, что мне понравятся.

– Эрлот! – Она сбросила его руку с плеча. – Давай сой-

демся на тридцати – это разумное требование.

– Но их я получу, не преступая королевской воли.

– Вдобавок могу дать кровь. У меня есть запасы. Кроме того, мое предложение остается в силе.

– Первое или второе?

– Оба.

Они смотрели друг другу в глаза. Атсама – с надеждой, Эрлот – с насмешкой.

– Хорошо, – сказал он. – Пятьдесят производителей.

– Эрлот! – взвыла миледи.

– Я не настаиваю, чтобы ты одна выделила всех. Вас тут пятеро. Всего по десять с каждого. Мое последнее слово.

Заговорил Мэросил – высокий юноша с приглаженными волосами:

– С чего бы нам идти на жертвы? Я так понимаю, король говорил только о ней. – Кивнул в сторону миледи.

Атсама метнула на него гневный взгляд.

– Хочешь соскочить так просто, Мэросил? Попробуй. Я отдам пятьдесят производителей и уйду к этому стервятнику в служанки, если потребуется, но до короля дойдет то, что вы самовольно устроили охоту на моих землях.

– Это мы устроим, – с улыбкой кивнул Эрлот.

Мэросил переглянулся с остальными. Четверо вампиров один за другим склонили головы.

– Проклятый закон, – поморщилась Атсама. – Что плохого в том, чтобы немного поиграть перед ужином?

– Ничего, – развел руками Эрлот. – Но у короля свои требования. Мы усадили его на престол, зная, как он смотрит на жизнь.

– Ну да, мы усадили, – задумчиво произнесла миледи.

– Что ж теперь жаловаться, да?

Они снова обменялись взглядами.

– Пошли к тебе, – сказал Эрлот. – Нам есть о чем поговорить. А вы, парни, – обратился к лордам, – подходите тоже. Со своими списками. Хорошо бы успеть до рассвета, иначе мне придется содержать крайне строптивую служанку.

Мэросил исчез, обратившись облаком тумана, которое тут же понеслось к югу. Остальные рассыпались стаями крыс, летучих мышей и волков. Лорд Эрлот, взяв под руку Атсаму, пошел к ее дому, не меняя обличия. Кое-что, самое важное, они могли обсудить по дороге.

***

На берегу играли в костер – традиционная, хотя и опасная, осуждаемая старшими игра. Возле реки (обязательно возле реки – если дело зайдет слишком далеко, будет, куда откатиться) раскладывали большой костер. Девушка, желающая найти счастье, становилась на плоский камень в центре костра, и тот, кто ее оттуда вытащит, считался суженым. Нередко случалось, что какую-нибудь дурнушку или скверную характером девицу никто спасти не собирался.

По древней традиции она должна была мужественно гореть до конца или пока все же не найдется кто-нибудь, в ком жалость возьмет верх над разумом. На деле ни одна девушка до такого не доводила. Прыгнув в костер и окинув взглядом собравшихся, она тут же с матерщиной вылетала обратно под всеобщий хохот, спасая себя тем самым как от позора, так и от смерти. Сами по себе случаи «спасения» были редки, и происходили все больше по сговору.

Санат сидел на пригорке неподалеку, наблюдая за действием. Он не знал, плакать или смеяться. В деревне, где он родился, такого обычая не водилось, но даже беглого знакомства с историческими хрониками хватало, чтобы понять, откуда он пошел. В годы Второй Великой Войны император Киверри, поправ все уложения и правила, не исключая продиктованных здравым смыслом, огнем и мечом прошел по людским поселениям. Одна из его забав, самая безобидная, легла в основу нынешней игры.

Тогда костры разводили не в пример больше, и ставили в них всех деревенских девушек и женщин. Их привязывали к столбам для верности. Потом толкали вперед мужчин. Им предлагалось либо смотреть, как женщины сгорают заживо, либо спасти. Не многие успевали развязать тугие путы...

Сначала, как водится, несколько девчонок поплоше попытали счастья. Никто из парней даже не двинулся в их сторону. Санат заметил, что когда очередная девушка вставала на камень, все замирали и смотрели, раскрыв рты. Люди са-

ми не понимали, чего ждут. Они хотели увидеть смерть. Боялись – да, но хотели. Санат нахмурился. Все-таки люди есть люди, и ради зрелища они готовы наплевать на все.

Интерес проснулся, когда в костер встала Бечра. Крупная, но симпатичная девушка с грубым, почти мужским голосом. Санат заметил, что нравилась она многим, но большинство ее опасалось. Теперь же настал момент истины. Бечра стояла посреди огня, уперев руки в бока, и придирчивым взглядом осматривала парней. Выбрав одного, кивнула, и парнишка бросился на выручку.

Санат отвернулся. В мгновение ока увидел всю жизнь этой пары до самого конца. Сильная, голосистая жена и робкий тщедушный муж. Она будет им помыкать, а он, лишь только схлынет первый вал эйфории, начнет втихую пить. Она станет его колотить, а он будет чувствовать себя виноватым и пить еще больше. Впрочем, Бечра, наверное, сделала верный выбор. Другой парень, поздоровее, мог бы побить в ответ, и все закончилось бы куда как хуже. А таких семей везде полно – живут как-то, детей рожают.

Смех и крики утихли. Санат повернулся к костру и вздрогнул. В огне стояла Исвирь, ее взгляд устремлен на него. Санат не двинулся. «Уходи», – мысленно попросил он. «Нет», – ответили ее глаза.

Санат перестал дышать, сердце остановилось. Он не думал, поступая так, просто приготовился на всякий случай. Слишком уж далеко от костра он сидел. Слишком уж реши-

тельно сверкали глаза девушки.

К костру, захохотав, бросился Саквобет. Медленно, убийственно медленно он двигался! «Как только он ступит в костер – я запущу сердце», – пообещал себе Санат.

Исвирь взмахнула рукой, рассыпала под ноги что-то белое и блестящее. Перед носом у Саквобета взлетела в небо огненная стена. Парень с криком отшатнулся, упал на спину и принялся отползать. Все отпрянули. Все тянули головы вперед, а шли назад. Вот она, вот она, смерть! В какофонии криков Санат не услышал лишь одного голоса – голоса Исвири. Девушка все еще стояла там.

Вампир бросился вниз. Несмотря ни на что, он упивался этим восторгом – двигаться так стремительно, как и не снилось людям. Ощущать, видеть и слышать гораздо больше, чем дано им. Отшвырнул поднимающегося Саквобета, прыгнул в огонь. Руки обхватили тонкий стан девушки. Не останавливаясь ни на миг, Санат выбежал с ней из костра и нырнул в реку. Он полностью погрузил Исвирь в темную воду, а потом разжал руки. Голова девушки тут же появилась над поверхностью. Она закричала – только теперь.

Санат выдернул ее из воды, поставил рядом и трижды ударил по лицу ладонью. Слишком сильно – от последнего удара девушка упала. Санат снова поднял ее, встряхнул за плечи.

– Ты же чуть не сгорела! – зарычал он.

– Ну и ладно! – крикнула Исвирь. – И сгорела бы!

Что мне...

Оттолкнув его, она выбежала из реки, понеслась куда-то, не разбирая дороги. Санат двинулся следом.

Провожаемые взглядами, они скрылись из виду. На берегу стало тихо. Все произошло так быстро, что никто не успел сообразить, смеяться или расстраиваться. Один щуплый парень, первым вырвавший из огня счастье, усмехался.

– Бежит курица от петуха и думает: «Ой, хоть бы догнал!» – громко сказал он, чем вызвал дружный хохот и крепкий подзатыльник от суженой.

В костер, однако, лезть больше никто не захотел. «Купаться! Купаться!» – родился в толпе крик, и его поддержали целым хором. Сорвав одежды, юноши и девушки бросились в теплую реку.

Исвирь выбежала на дорогу, захлебываясь слезами. Мокрая насквозь, с пылающими от ударов щеками, она не знала, куда направиться дальше. В деревню? Там нет больше счастья. Так может, в другую сторону, в город? Или в лес, на съедение волкам?

– Остановись, – приказал знакомый, но такой чужой сейчас голос.

Исвирь замерла. Санат рывком развернул ее, заглянул в глаза. Луна светила ему в затылок, и глаза показались девушке чернее самой ночи.

– Ты не представляешь себе, что натворила, Исвирь, – говорил Санат. – Зачем ты так?

– Все равно мне без тебя жизнь – не в жизнь, – всхлипнула

Исвирь. – А ты... Как камень, хуже даже! Камень вон обнять можно, он не оттолкнет никогда, а ты... ты...

Санат положил руку ей на плечо. Холодные пальцы пробежались по пылающей коже, коснулись шеи, ласково приподняли подбородок.

– У меня нет времени сейчас принимать осмысленное решение, – пробормотал Санат. – Ты все это начала, тебе и нести ответ. Стой спокойно.

Сердце замерло, когда губы приблизились к ее лицу. Исвирь задрожала, предвкушая и боясь первого поцелуя. Руки обхватили спину Саната. Девушка закрыла глаза. Холодные губы не коснулись лица, скользнули по шее, мимолетно касаясь кожи, выискивая определенное место. Острая боль заставила девушку вскрикнуть, но тут же странное, ни на что не похожее наслаждение разлилось по телу. Боль и сладость, причудливо сплетаясь, подхватывали, несли все дальше и дальше. Исвирь не могла пошевелиться, не могла раскрыть глаза. Задыхаясь, она хватала ртом воздух и все сильнее прижимала к себе того, кого любила.

Санат оттолкнул ее. Ноги девушки подкосились, она села прямо на дорогу. Воздух мягко заполнил грудь, голова кружилась. Послышался шепот Саната:

– Нет... Они ведь видели, что я пошел за ней...

А потом – тихий вдох. Что-то изменилось. Как будто другой человек стоял над ней, протягивая руку. Исвирь приняла предложенную помощь. Пальцы ее скользнули к шее, но Са-

нат остановил это движение.

– Не трогай, – сказал он. – Пошли ко мне, я наложу повязку. Потом ты уйдешь домой и забудешь об этом навсегда. Поняла меня? Скажешь, что обожглась, или еще чего придумаешь. Но если ляпнешь хоть слово...

Она и не могла сказать ни слова – язык не слушался. Санат шел по дороге, а Исвирь, спотыкаясь, плелась следом. Он несколько раз оглянулся, потом взял девушку под руку. Она едва не упала на него.

– Да держись ты, в конце концов, – тихо сказал Санат.

Они медленно двигались к деревне – счастливая парочка, уставшая от гуляний. А что еще могли подумать случайные свидетели?

За всю дорогу Санат не проронил ни слова. Исвирь тоже молчала, благословляя невероятную слабость и туман в голове. Мысли путались в этом тумане и не могли соединиться в единую цепь. А если бы смогли, то что бы сказала она себе? Может, что вместо жарких объятий наполучала оплеух, а вместо страстного поцелуя – укус? Или что вместо любви, от которой сердце колотится быстрее, а душа будто воспаряет в небо, обрела лишь презрение? Туман не позволил задуматься об этом, и она просто радовалась, что рядом идет Санат. Идет и держит ее, подстраивается под шаг.

Отворив дверь, Санат легонько подтолкнул девушку в спину. Она зашла. Остановилась у порога, сложив руки перед собой. В голове по-прежнему лишь туман. Только серд-

це колотится все сильнее.

Санат зажег лампу, стало светло и уютно. Исвирь огляделась. Она впервые была тут, в отличие от более решительных соперниц. Взгляд скользнул по голым стенам, чистому дощатому полу, закрытой печи. Исвирь увидела аккуратно застеленную лежанку, посмотрела на полку. Там несколько бутылок и кувшин, в котором она заваривала чай. Санат взял одну из бутылок, вынул пробку. Красная жидкость, булькая, полилась в кружку. По комнате разлился терпкий густой аромат вина.

– Выпей. – Санат сунул кружку ей в руки.

Исвирь покорно поднесла напиток к губам. Первый раз она пила вино. Содрогнулась от необычного вкуса, но потом распробовала и сделала еще глоток, побольше. Как ни странно, туман в голове начал рассеиваться, и девушка с ужасом посмотрела на Саната, который перебирал тряпки в одном из тюков. Вытащил чистую простынь, оторвал от нее полосу. Исвирь вскрикнула, услышав звук рвущейся ткани, и выронила кружку. Вино разлилось по полу, впитываясь в доски.

– Ничего, оставь, – сказал Санат, приближаясь к ней.

Исвирь смотрела на пустую кружку, лежащую на полу, и не могла остановить дрожь. Трясло, как в лихорадке. Пытаясь отступить, она зацепилась каблуком за половицу и начала падать. Санат подхватил ее, притянул к себе стремительным движением. Исвирь сжалась, прикрывая горло руками. Глаза широко распахнулись.

– Нет, пожалуйста, не надо больше! – залепетала она.

Санат усмехнулся. Поставив Исвирь на ноги, он бросил лоскут ей на плечо.

– Перевяжи сама, раз так боишься, – сказал он. – Что, хватило любви? Как вы все ее настойчиво добиваетесь! Только и слышишь от вас: любовь, любовь! А как придет время пожертвовать ради нее парой каплей крови, так всю решимость будто ветром сдуло.

Исвирь смотрела на него, держа в руках лоскут. Никак не могла понять, что же такое он говорит. Смеется? Или злится? От бесстыдного намека в его словах у нее зааляли щеки. Вернулась боль от ударов. Наконец, Исвирь снова почувствовала себя цельной, не рассыпавшейся на куски. И вместе с этим чувством пришло понимание. Она посмотрела в глаза Санату и сказала:

– Ты-то чего боишься?

Он вздрогнул, отвел глаза.

– Боишься, что я всем расскажу? Не бойся. Молчать буду, пока не сохну. Когда эта гадость заживет?

Санат поднял взгляд.

– Ну? – торопила Исвирь. Она легко, словно шарфом, обмотала шею куском простыни. – Говори, чтоб я знала. Не сохну, пока не заживет, чтоб вопросов не было.

Одним прыжком Санат преодолел разделявшее их расстояние, схватил Исвирь за воротник платья и с силой прижал к стене. Сквозь плотно сжатые зубы вырвалось рычание,

но Исвирь не дрогнула под этим натиском.

– Пугаешь? – спросила она. – Или убить хочешь? Мне не страшно. Решил – так убивай. Мне же заботы меньше.

Он разжал пальцы, опустил голову.

– Зачем ты так? – шепнул он.

– А зачем ты так? – отозвалась Исвирь. – Все вы там такие, что ли? Все за нас решаете. Когда жить, как умирать. А я вот не хочу. Не хочу вас кормить до самой старости! У других хоть радость жить есть, а у меня – ничего нет. Решила для себя: пойду и сгорю принародно, хоть так, может, запомнят. Хоть чем-то отличусь. Если уж возлюбленный мой на меня не смотрит. А он взял меня и вытащил с Той Стороны. Вытащил, избил, обругал, дал тряпку и прогнал пинком, как кошку заблудшую. Как мне еще быть? Не стану я тебе обузой, не волнуйся! Но вот смерть – моя, и мне решать, звать ее или нет.

Она оттолкнула Саната и пошла к двери. Хотя плечи дрожали, шаг стал ровным. Она коснулась рукой двери, и в этот момент пальцы Саната стиснули ее плечо.

– Останься, – сказал он.

Исвирь опустила руку. Санат ловко освободил ее от «шарфа» и поцеловал чуть зудящее место укуса. От поцелуя по телу девушки снова прошла сладкая дрожь.

– К утру заживет, – сказал Санат. – Утром – пойдем к тебе домой.

Она резко повернулась, уставилась в глаза Санату.

– Ты... Ты, – лепетала она.

– Пока я человек, – сказал он. – Это не продлится долго, и у тебя будет время до утра подумать, хочешь ли ты этого. То, что будет потом... Я не знаю, что случится, и куда понесет меня Алая Река.

– Я согласна!

– До утра, Исвирь. Подумай.

Их губы встретились. Первый настоящий поцелуй, на который Исвирь уж не надеялась. Сладкий и нежный, как во сне. Все, что последовало, тоже оказалось нежным, сладким и сказочным, будто греза, ставшая явью.

Глава 6

Арека

Отмечая переход на вторую половину лета, жара спала. Но пасмурное утро не принесло людям радости. Сидящие на повозках мужчины, женщины и дети, зевая и поеживаясь, смотрели на серое небо и морщились. Лучше бы жара и прежние порядки!

Дети чувствовали себя лучше взрослых. Они верили, что жизнь наладится, что взрослые решат все проблемы – так всегда было и так всегда будет. Взрослых голосов почти не слышалось, а вот детские переключки то и дело звоном раскалывали угрюмую тишину.

Левмир опять ехал с Санатом, и, единственный из всех, не мог убрать с лица улыбку. Он толком не успел поспать, вернувшись домой, как его разбудила мать и, сунув в руки узелок с едой, выпроводила на улицу. Голова гудела от недосыпа, но зато сон не успел смазать воспоминания. Стоило прикрыть глаза, как он видел улыбающуюся И, которая прижимается к нему, напевая сказочную мелодию.

В очередной раз поймав себя на том, что сидит и улыбается, глядя в пустоту, Левмир сделал серьезное лицо и покосился на Саната – не заметил ли? Но Санат точно так же смотрел перед собой с печальной улыбкой на губах. Заметив внимание мальчика, не стал скрываться, а улыбнулся еще

шире:

– Что, тоже хлопотная ночка выдалась?

Левмир покраснел и отвернулся, пытаясь придумать непринужденный ответ. Санат вздохнул.

– Паренек, я ведь предупреждал тебя... Ничего хорошего не выйдет. Дело, конечно, твое, да только и мучиться потом тебе одному.

– Ты-то откуда знаешь? – буркнул Левмир.

– На лицо твое посмотрел и все сразу понял. Не лезь туда, откуда выйти не сможешь, Левмир. Без того тяжело будет.

Левмир открыл рот, чтобы высказать все. Он готов был объяснить этому зануде, строящему из себя всезнающего старца, что все и так плохо, хуже некуда. Что никогда он еще не видел, чтобы посреди лета люди ходили такими понурыми. Хотел сказать, что лишь благодаря этой непонятной девочке ему хочется прожить день за днем, чтобы увидеть хоть одно искренне счастливое лицо. Чтобы танцевать при луне, несмотря на то, что ночь коротка...

– Левмир, привет! – раздался девчоночий голос.

Мальчик вздрогнул и повернул голову. Рядом с повозкой идет Арека – сестра Саквобета. Ей четырнадцать, она все больше походит на взрослую девушку. Грубоватые черты, роднящие ее с братом, уравниваются открытым выражением лица, подростковая угловатость постепенно переходит в девичью стройность. Левмир мысленно поставил ее рядом с И. Нет, даже думать об этом не хочется! Даже глаза –

скучные серые глаза Ареки – не идут ни в какое сравнение с сияющими изумрудами ночной красавицы.

– Привет, – отозвался Левмир. – Чего тебе?

– Так. Пойдем, поговорим? Пошли в конец, потом нагоним – все равно едва плетутся!

Левмир оглянулся на Саната, почему-то ожидая, что тот его остановит. Санат махнул рукой, словно благословляя. Левмир спрыгнул с повозки.

Они с Арекой медленно шли, пропуская вперед караван. Дети хихикали, глядя на них, взрослые скользили равнодушными взглядами. Когда последняя повозка ушла вперед на три сажени, Арека заговорила:

– А ты знаешь, что Санат на Исвири женится?

Левмир споткнулся на ровном месте и выпучил глаза на Ареку. Санат? Женится? Такого он даже вообразить не мог.

– Как так?

– Так вот. – Арека сорвала сухую травинку, вставила ее в зубы. – Саквобет вчера пришел поздно, пьяный, и все рычал, пока не уснул. Говорит, из костра он ее вытащил. Так-то вот.

Левмир молчал, обдумывая новость. Надо же, а ведь ему Санат ни слова не сказал. Только всю плешь выел непрошенными советами.

Арека тем временем изжевала травинку, сплюнула и выбросила ее. Посмотрела на Левмира.

– Ну? – спросила она.

– Чего?

– Ну, что думаешь?

– А чего тут думать? Ну, женится и женится. – Левмир пожал плечами.

– А восстание как же?

Тут Левмир остановился, глядя на девчонку.

– Какое восстание? Ты что, с крыши шмякнулась?

– Тихо ты! – широко раскрыв глаза, цыкнула Арека. – Разорался! Не все ведь еще решились.

Левмир вспомнил постоянные заседания у Саната. Все чаще там всплывали разговоры о том, как убить вампира. Раньше мальчик не придавал этому значения, но теперь занервничал. Санат ведь сам рассказывал, чем закончилось его предыдущее «восстание».

– А что, будет? – чуть тише спросил, продолжая идти. – Ты знаешь?

– А то! – вздернула нос Арека. – Мне Саквобет все рассказывает, особенно когда выпьет.

– И когда?

– Кто ж знает? Подготовиться нужно, чеснок высадить...

– Чеснок?

– Ну да. Ты не знал разве? Вампиры чеснока боятся. Запах им не нравится. Мы с мамкой сегодня в городе купим, чтоб на всех хватило!

Она свысока смотрела на Левмира, хотя они были по-

что одного роста. Постепенно уголки губ Ареки опустились вниз. Левмир должен был восхищаться, приставать с расспросами, но он лишь угрюмо молчал. Тогда девочка решилась на еще одну попытку:

– А куда ты ночью ходил? – спросила она.

Левмир медленно повернул голову, и Арека испугалась, увидев в его глазах готовность убить или умереть сей же миг.

– На рыбалку, – процедил он сквозь зубы.

– Ого... – Арека промолчала о том, что не заметила у него удочек. – А ты часто так ходишь?

– Не очень. Тебе-то что за печаль?

– Ну... Я бы тоже ночью на рыбалку сходила!

– Не женское это дело, – повторил Левмир отцовские слова.

– Ну и что ж? Я так посижу. Посмотрю просто.

– Там видно будет...

Впереди показался город, и Левмир, попрощавшись с Арекой, побежал догонять повозку. Усевшись рядом с Санатом, оглянулся и увидел, что Арека все так же идет в самом хвосте. При виде одинокой, поникшей фигурки у Левмира защемило сердце. Может, правда как-нибудь позвать на рыбалку?

Эта мысль заблудилась в тускнеющих дебрях воспоминаний о ночном танце, улеглась на задворках сознания. Громадная каменная масса города поглотила караван, отрезав задние мысли и тревоги.

В этот раз Левмир не нуждался в помощи Саната, на которого, к тому же, был обижен. Санат, чувствуя настроение мальчика, тоже к нему не лез, но глаз не спускал. Сегодня он сидел в очереди вместе со всеми.

Наконец, дверь открылась, и лекарь выкрикнул:

– Левмир, деревня Сатвир! Тебя нарочно, что ли, в рифму назвали? Ладно, иди сюда!

Лекарь не тот, что прежде. Постарше, но повеселее. Он уложил мальчика на кушетку и, не переставая болтать о всякой ерунде, настраивал аппарат. Левмир порадовался, что сегодня нет лорда Эрлота. От одного воспоминания об этой мрачной фигуре, застывшей у окна, ему делалось не по себе.

– Второй раз, да? – бросив взгляд в бумаги, спросил лекарь. – Не боишься?

– Нормально! – заверил его Левмир.

– Ну, вот и хорошо. А то детишки обычно приходят – плачут, в обморок хлопаются. С этими новыми порядками все умучились.

Левмиру не понравилось услышать, как его определили в один ряд с какими-то «детишками». Хотелось сказать или сделать что-то такое, что могло бы смутить этого добренького лекаря, показать ему, что он, Левмир, вполне себе взрослый и серьезный человек. Тут он вспомнил про подарок И.

– Мне нужно вам вот это показать, – сказал он, и вынул медальон из-под рубашки.

Рука лекаря, державшая иглу, дрогнула. Он посмотрел

на медальон, потом – на Левмира. Снова на медальон и еще раз на Левмира.

– Тебе кто его дал?

– Кто надо, тот и дал, – пискляво ответил Левмир. Не умел хамить – голос сразу подводил его. Но лекарю, кажется, нет дела до голоса.

– Ничего не понимаю, – нахмурился он. – А зачем тогда ты... погоди, тебе же сколько? Двенадцать лет? Не рано ли?

– Осенью тринадцать будет, – заметил Левмир.

– Ах, вот как... Нет, я все же ничего понять не могу. А впрочем... Впрочем, мое ли это дело? Давай я тебе повязку сделаю, а ты сам – молчи.

Левмир знал, что нужно молчать – И предупредила. Лекарь перевязал ему руку, целую и невредимую. Страсть как хотелось спросить, что все это означает, но мальчик молчал. Пройдет неделя, и она все расскажет. Или не расскажет – не все ли равно? Главное, снова придет, развеет серую хмарь, окутавшую сердце.

Левмир вышел и, не глядя на Саната, вернулся к повозке. Арка стояла рядом, побледневшая, с синяками под глазами.

– Думала, помру там, – жалобно сказала она.

– В прошлый раз ведь выжила, – отозвался Левмир.

– Так если каждую неделю так...

Она заговорила о том, как тяжело будет жить, как все скоро начнут умирать. Левмир слышал об этом не в первый раз. Детская вера в лучшее все еще удерживала его от паники,

но сейчас стало стыдно. Подарок И, оказывается, спасал его от всеобщей участи. Значит, он тоже может кое-что сделать для остальных.

– На вот, поешь. – Левмир развязал узелок перед Арекой. Девочка посмотрела голодными глазами на хлеб, но не решилась притронуться.

– А ты как же?

– Я не хочу, – признался Левмир. – С утра поел.

– Ну нет... Давай напополам?

Они разделили хлеб, но, поскольку Левмир и впрямь жевал без аппетита, кончилось все тем, что Арека слопала и его половину. Пока она ела, Левмир думал о случившемся. Откуда И взяла медальон? Что он означает? Не просто ведь вольную от донаций – вон как доктор удивился. И про возраст спрашивал...

Внезапно пришло озарение. Этот миг Левмир запомнил навсегда – миг, когда детство рухнуло, лишившись последней сказки. Фея... Какая же она фея? Разве можно верить в такую чепуху? Он вспоминал И. Ее красивые одежды, не имевшие ничего общего с деревенскими. Ее своеобразную манеру речи. Ее уверенность в том, что люди должны ее слушаться. И то, как быстро она двигалась, как внезапно исчезала. Она не была феей – она была вампиром. Избалованным, капризным ребенком-вампиром!

– Ты чего так побледнел? – с набитым ртом спросила Арека.

– Да, это... Кровь ведь, – пробормотал Левмир.

Голова кружилась, будто у него действительно взяли кровь. Мальчик вдруг представил, как кровь сотен людей, что приходят сюда из разных деревень, собирается в пробирки, укладывается в ящики, которые разлетаются по городу. А потом вампиры, смеясь, пьют из пробирок кровь, танцуют под невыносимой красоты музыку в освещенных залах, где даже полы и стены сделаны из золота. Там кружилась и она – маленькая девочка с озорными зелеными глазами. Левмир представил себе, как она припадает к бронзовым губам дракона и выпивает кровь – всю, без остатка. Кровь его родителей и друзей, кровь Ареки, кровь Саната...

– Ты, может, ляжешь? – предложила Арека. – Ложись в повозку, а я тебе воды принесу. Хочешь?

Левмир кивнул. Он с трудом перевалился за борт повозки и прикрыл глаза. Послышался удаляющийся топот босых ног Ареки. Хорошо, хоть немного тишины, чтобы собраться с мыслями.

Что делать, как быть теперь с этим открытием? Чего хотела от него И? От чего она пыталась его увести в ту, первую ночь? А была ли она первой? Левмир содрогнулся, вспомнив сонный морок, одолевший его в ночь, когда в деревню прибыл Санат. Та девчонка, что привиделась сидящей на подоконнике. Наверняка не скажешь, все-таки он почти спал, да и темно было, но... Но на подоконнике сидела И. Значит, дома от нее не укрыться. А надо ли укрываться?

Вслед за первым испугом пришла другая мысль, поспокойнее. Ну да, она – вампир. Ну и что? Не ей ведь деревня принадлежит, наверное. И не она этот кошмар еженедельный устроила. А если разобраться, так и вообще ничего плохого девочка не сделала. Наоборот, даже помогала, как умела. Так стоит ли бояться?

Несмотря на эти успокаивающие рассуждения, Левмир так и не сумел решить, идти ли ему на поляну через неделю. «Время есть еще, подумаю», – сказал он себе. А в следующий миг чьи-то сильные руки схватили его за грудки и подняли. Левмир открыл глаза. Над ним нависло перекошенное лицо Саната.

– Ты где это взял? – прошипел он, одной рукой продолжая сжимать рубашку мальчика, а другой держа медальон. Левмир, видимо, неудачно лег – так, что медальон выскочил из-под рубахи и лежал на виду.

– Тебе-то что? – Левмир попытался его оттолкнуть, но Санат был словно каменный.

– Ты соображаешь, что это? Ты это врачу показывал? Тот-то я смотрю, ты так бодро с донации вышел! А если он кому ляпнет? А увидит кто? Ладно она – дура малолетняя, с нее взять нечего, а ты... Ты... – Тут Санат замялся, ослабил хватку и, глядя на упавшего в повозку Левмира, закончил:

– Тоже дурак малолетний. Принесла же мне всех вас Река в одночасье...

Левмир быстрым движением спрятал медальон обратно,

застегнул верхнюю пуговицу, не обращая внимания на то, что воротник стал жать. Через ткань он стиснул медальон и бросил на Саната затравленный взгляд. В этот момент Левмир бессознательно принял решение. Подарок И – это святое. Никто не посмеет больше его коснуться. А значит, и через неделю он пойдет на поляну, будь что будет!

Санат, должно быть, прочитал все это в его глазах, потому что сплюнул на землю и негромко выругался.

– Слушай внимательно, Левмир, – заговорил он. – Вижу, ты на меня придумал надуться – с этим мы потом разберемся. Но как бы то ни было, никому эту штуку не показывай. Никому и никогда. Лучше закопай где-нибудь, а доставай только перед донацией. Если кто-то из вампиров узнает, что у тебя это есть – тебя убьют. Да, вот так – просто убьют и все! Может, и люди тоже убьют, если разберут, что такое. А ей... Ей за это, может, на танцы разок сходить запретят.

– Но что это такое? – спросил Левмир, забыв про обиду. Казалось гораздо важнее узнать, что на самом деле означал подарок И.

Санат качнул головой и взглядом указал в сторону. Не успел Левмир повернуться, как подбежала запыхавшаяся Арека с ковшом воды.

– Вот, попей, – сказала она. – Ты как? Нормально? Может, зря не ел?

Левмир взял ковш, и сразу ощутил жажду. Горло пересохло, желудок будто ссохся от всех переживаний и размышле-

ний. Он быстро выпил полный ковш теплой и неприятной воды, поблагодарил девочку и вернул ей ковш.

– Еще принести? – спросила она. – Я мигом! Мамка еще там, успею.

– Не надо, – улыбнулся Левмир.

Река унеслась возвращать ковш. Левмир посмотрел на Саната и увидел, что тот улыбается.

– Ну что тебя здесь не устраивает? – спросил он мальчика.

Левмир снова насупился.

– Ты про штуку эту не сказал.

– Это называется «медальон производителя». Их вампиры выдают тем, кто отправляется основывать новые деревни. Мужчины, женщины поселяются на новых местах, на целине. Сами строятся, поля разбивают, хозяйство налаживают. При этом их никто не трогает, кровь у них не берут. Если хоть кто-то позарился на производителя – с таким жестоко расправляются. Об этом все знают, кто с вампирами связан. Потому врач у тебя и не взял кровь. На то эта бестолочь и рассчитывала. Да только кровь-то врач у тебя не возьмет, а Эрлоту доложить вполне может. Об этом она не побеспокоилась. Не приняла в расчет, что люди умеют думать, и уж один к одному прибавить запросто смогут.

Теперь Левмир понял, почему врач так удивился его возрасту. Понял и покраснел, вспомнив, как глупо и нагло себя вел. Знай заранее – не показал бы медальон. А теперь... Что теперь доктор про него думает?

– А она – вампир, да? – тихо спросил мальчик.

Санат кивнул.

– Разобрался, что к чему? И как, страшно?

Левмир мотнул головой.

– Она совсем не страшная, – сказал он. – Одинокая и грустная, хотя смеется всегда.

Санат смотрел на него долго, не произнося ни слова. Потом отвел взгляд.

– Наверное, так и есть. Их дети одиноки. Редко они получают...

Снова в голове забегали мысли. Как он сразу об этом не подумал? Ведь, как говорят, вампиры получают из людей после укуса. А значит, кто-то укусил И? Но она так не похожа на обычного человека... Нет, не может быть.

– Но она ведь не была человеком, да? – решился спросить Левмир.

Санат ответил не сразу. Он молчал, пока мимо проходили люди.

– Не была. Не знает, что это такое. Ты ей – игрушка, не больше и не меньше. Она эту игрушку хочет уберечь.

Левмир не успел слова сказать – Санат перевел разговор на другую тему:

– Ну так что, в город-то пойдём? Как насчет шоколада?

Левмир, который до этого момента не собирался никуда идти, вспомнив о вкуснейшем напитке, тут же подскочил.

– Пойдем! – воскликнул он.

– Ну и подругу зови тоже, а то обидится, – улыбнулся Санат.

Сперва Левмир ошалел от его слов, а потом понял, что тот имеет в виду всего лишь Ареку, которая стояла неподалеку, делая вид, что не прислушивается к разговору. Услышав последние слова, она посмотрела на дверь центра донации, из которой как раз выходила ее мать.

– Нам за чесноком надо, – вздохнула девочка.

– Купит твоя мама сама чеснок, – ответил Санат. – Спросись, да идем скорее.

Арека вихрем метнулась к маме, обменялась с ней парой слов и вприпрыжку принеслась обратно.

– Можно! – смеялась, не сводя глаз с Левмира.

Он не удержался и улыбнулся в ответ. Девочка протянула руку, и Левмир оперся на нее, спрыгивая с повозки. Пальцы Ареки остались сжатыми, а вырывать ладонь показалось Левмиру грубым. Так они и шли, помахивая сомкнутыми руками, а чуть правее, довольный, шел Санат.

***

Лист бумаги на подоконнике, быстро скользит огрызок карандаша. На белом фоне постепенно вырастает темная фигура в плаще. Прикусив губу, Левмир сосредоточенно рисовал лорда Эрлота. Штрих за штрихом, все больше похоже. От фигуры веяло страхом, но не хватало чего-то важного.

Карандаш оказался бессилён передать мощь взгляда, без которого Эрлот оставался лишь ночной страшилкой.

– Ах, ты рисовать умеешь?

Левмир подскочил на месте. Увлёкшись рисунком, лоя последние лучи солнца, не заметил, как к окну подкралась Арека. Теперь она, вывернув голову, разглядывала изображённого на листе вампира.

– Ты чего тут? – нахмурился Левмир. Арека будто не заметила вопроса.

– Очень красиво, – прошептала.

Левмир поежился. «Красиво»? Нет, что-то, а этого он бы про лорда Эрлота не сказал никогда.

– Нравится – забери.

Левмир понял, что не хочет оставлять дома этот рисунок. Ничего хорошего он не принесет.

– Спасибо! – просияла Арека. – Ну что, пойдём?

– Куда? – удивился Левмир.

– Ну даешь! – воскликнула девочка, пряча сложенный листок в карман платья. – Обещал ведь!

Левмир нахмурился, вспоминая. Утром, под руководством Саната, они сходили в то самое «Питейное», где от души наелись мяса и напились горячего шоколада. Потом бродили по городу, смотрели каменные дома. Арека хотела увидеть дворец короля вампиров, но Санат её отговорил, сказал, что это далеко. Тогда вернулись к повозкам и, дождавшись своих, вернулись в деревню. Как ни старался, Левмир не мог

вспомнить, что такого наобещал Ареке.

– Я уж и червей нарыла! – На подоконнике появилась жестяная банка с землей.

Левмир уставился на банку.

– Ты что, на рыбалку, что ли, собралась?

– А то куда? Пойдем, отоспались ведь! Все равно теперь целую ночь куковать.

Левмир упрямылся, но Арека, сообразив, что твердого «нет» от него не услышит, продолжала наседать.

– Ладно, пойду отца спрошу, – вздохнул мальчик.

Отец, выслушав слова сына, потер подбородок, покосился на мать, которая второй день лежала бледная после донации (она всегда тяжело их переносила, а теперь и вовсе расклеилась) и неожиданно махнул рукой:

– А пошли! – воскликнул он. – И то правда, чего зазря дома киснуть. Глядишь, рыбки раздобудем. Э, мать, рыбки-то не помешает?

– Идите, конечно, – слабым голосом отозвалась с печи мама. – Только вот поесть я вам не знаю, что собрать.

– На рыбалку ведь идем – наловим, да поедем, – заявил отец, вставая. – Давай, готовь удочки.

Левмир предпочел бы остаться дома или хотя бы отделаться от Ареки, чье назойливое внимание начинало его тревожить, но отец оказался на редкость сговорчивым. Радости Ареки не было предела. Она, распевая песни, бежала впереди. Отец посмеивался, глядя ей вслед, а Левмир хмурился.

Не мог даже сам себе объяснить, что его беспокоит, но тревога становилась все сильнее.

Перед тем как свернуть с дороги к берегу, Арека подскочила к Левмиру, легонько шлепнула его по плечу и с криком «Догоняй!» побежала вниз. Левмиру стало еще тревожнее, потому что он совсем не хотел ее догонять. Но побежал, не слишком стараясь.

– Догнал! – хлопнул по плечу стоящую у самой воды Ареку. Сзади неторопливо шел отец.

– Все равно я первая, – сказала Арека, показав Левмиру язык.

– Ты молодец, – улыбнулся он.

Арека покраснела и отвернулась, а Левмир почувствовал себя еще хуже. Ну чего она вдруг привязалась? Зачем? Он не знал, не мог знать, как прошлой ночью случайно попался на глаза Ареке, которая тихонько сидела на лавочке у забора, ожидая брата. Не знал, что вдруг луна осветила его лицо, и Ареке оно показалось таким добрым и прекрасным, что дыхание сбилось. Бывает так – в одночасье ломается все в душе, и понимаешь, что нельзя без этого человека. Эта беда, именуемая любовью, постигла и Ареку.

– Давай костер мастерить, – сказал подошедший отец. – Вон там, где лесок к воде спускается, он реденький – там можно дров наломать. Арека, посидишь одна?

– Конечно, дядя Лакил, – откликнулась девочка. – Я закат посмотрю!

Ярко-красное солнце опускалось за виднеющиеся вдалеке холмы, и по рябящей поверхности реки разлилось алое сияние. Как будто в двух шагах от деревни раскинулась Алая Река, а не привычный глазу Росвирк. Полюбовавшись, Левмир пошел вслед за отцом.

***

Костер горел в шести шагах от кромки воды, весело треща и разбрасывая искры. На небольшом отдалении друг от друга поставили три удочки. Арека притащила удочку брата, и Левмир, наслаждаясь гордым званием учителя, помогал ей привязать снасть и наживить червя. Арека переспрашивала каждое слово и казалась безнадежно глупой. Левмир терпеливо повторял объяснения, пока не понял, что девчонка просто тянет за чем-то время. Тогда он ограничился кратким напутствием и вернулся к удочке, посередине между отцом и Арекой.

Как обычно, везло больше всех отцу. Он нет-нет, да выдергивал из воды посверкивающих в свете костра рыб. Левмир поймал двоих, да и то вялых. А вот у Ареки дело, как ни странно, пошло. Девочка прыгала, шепотом издавая крики восторга, и неслась к Левмиру после каждой удачной подсечки, чтобы тот помог снять рыбу с крючка. Когда наловили достаточно, Ареку отправили к костру готовить ужин.

Левмир, понурившись, глядел на поплавок и думал:

«Ну какая рыбе разница? Вот почему лучший клев всегда у взрослых и у новичков? Наживка такая же, все такое же... Ладно бы вверх по течению у Ареки лучше клевало, но ведь отец – ниже по течению. Я посередке сижу, почему рыба у меня не клюет?»

– Чего приуныл? – послышался голос отца. Он, оставив удочку на рогатой палке, подошел к сыну.

Левмир не стал признаваться в завистливых мыслях – понимал, как по-детски прозвучит. Поэтому решил копнуть глубже и выложить то, что действительно тревожило его с самого утра.

– Пап, а вы правда с вампирами драться собрались?

Он ожидал, что отец рассмеется или разозлится. Может, даст подзатыльник и велит прекратить нести чушь. Но ответ оказался страшнее: отец вздохнул и опустился на песок рядом с Левмиром. Сердце мальчика упало. Он уже не видел понуро качающегося поплавок – взгляд устремился в темноту. Тучи, разгулявшиеся с утра, так и не прошли и не разразились дождем.

– А что бы ты на моем месте сделал? – спросил отец.

Впервые в жизни Левмир слышал от него такое. Отец всегда знал, как поступить, а если и советовался с кем, так со стариками, а не с сыном. И вдруг что-то изменилось. Как будто староста Лакил растерялся. Словно не может решиться ни на что, и в отчаянии спрашивает мнения у такой мелюзги, как Левмир.

– Не знаю, – осторожно сказал мальчик. – Ничего, наверное... Санат же рассказывал, каково это – с вампирами драться...

– Деревня умрет, сынок, – сказал староста, и слова давались ему тяжело. – Понимаешь? Мать вон уже с печи не встанет, а она не одна такая слабая. Следом и сильные тоже потянутся. Я, думаешь, почему каждый день в городе пропадаю? Я все пишу в приемной обращения к лорду Эрлоту. Встречи прошу или пересмотра правил донации. Все объяснил, и ничего. А вчера случайно заметил, как слуга из приемной мусор выбрасывает – так там все мои писания до единого были! Понимаешь?

Левмир понимал. Вспомнил желтый труп ребенка и слова Саната: «Он поступил так не потому что злой. Просто ему плевать».

– Посмотри хоть на корову, – продолжал отец. – Казалось бы, куда тупее человека, а начинка с нее сейчас в четыре раза больше молока требовать – что будет? Да она либо содохнет, либо, что вернее, устроит тебе копытом по голове. А то и на рога поднимет.

– Ты б ее зарезал после такого, – заметил Левмир.

– Зарезал бы! – кивнул отец. – А как иначе? Я понимаю, что ты говоришь. Но, Левмир... Ну не могу я смотреть, как деревня погибает. Всяко пробовал. И так и этак – без толку. В городе с мужиками разговаривал – нигде больше такого нет. Понимаешь? Я про другие деревни этого Эрлота, будь

он неладен! Как будто именно против нас ополчился. А мы-то что, виноваты в чем? Если виноваты, так объясни, исправимся. Мы ж не коровы бессмысленные. Но ничего не объясняет. Давит и давит, как проклял нас. Значит, правда решился деревню со свету сжить. А нам что терять-то тогда? Воспротивимся – хоть помрем быстро. Но я все же надеюсь, что Эрлот задумается, когда до этого дойдет. Пусть нас, зачинщиков, накажет примерно, да зато с деревни ярмо снимет.

Левмир не знал, что сказать, чем ответить отцу. Единственное вертелось на языке – глупая фраза, что «все само как-нибудь образуется». Он вдруг понял, что ничто и никогда не образовывалось само. Все образовывали взрослые люди и взрослые вампиры, чтобы он, ребенок, получил тот мир, в который можно верить. Мир, в котором знаешь, когда и что нужно делать. И вот сложилась страшная ситуация, когда взрослые сами не знают, что делать дальше.

Арека позвала «к столу», и отец хлопнул Левмира по плечу:

– Не вешай нос! Мало ли, что Река принесет нам завтра? Пойдем ужинать.

Глотая у костра обжигающие кусочки жареной рыбы, Левмир немного повеселел. Окинул взглядом улов, мысленно разделил на две части. Маме тоже достанется, а ведь еще вся ночь впереди! Левмир сосредоточился на мысли как следует накормить мать, и твердо решил после ужина нагнать отца

с Арекой. Как будто от его решимости зависела рыбаья воля.

Костер догорал, и Левмир вызвался сходить за дровами. Арека, подхватив горящую ветку для света, пошла с ним. Отец отправился проверять удочки.

– Никогда раньше на рыбалку не ходила, – трещала Арека, шагая рядом с Левмиром. – Весело – до жути! А ты чего такой грустный? Не выспался? Не наелся?

– Да наелся я! – отмахнулся Левмир. – Так, думаю...

– О чем? – не отставала Арека.

Левмир решил, что ничего страшного не будет, если поделиться с Арекой опасениями.

– Про восстание это думаю. Убьют ведь всех...

– Чего это убьют? – захлопала глазами Арека. – Ничего не убьют! У меня брат видал, какой сильный? Да он один их всех переколотит!

– Кого всех? – озадачился Левмир.

– Вампиров! Кого ж еще? Он сам так говорит!

Что-то тут не складывалось. Левмир прекрасно помнил, как Санат отзывался о вампирах в первый вечер. Помнил ощущение ужаса, неотвратимости. Как же так получилось, что теперь Саквобет, послушав его, так запросто похваляется? Да и остальные... Отец почти решился, а где отец – там и добрая половина деревни. Наверное, стоило еще разок сходить со всеми к Санату, послушать – авось и прояснится чего.

Тем временем они углубились в лесок и нашли в свете ог-

ня пару сухих бревен. Левмир попробовал их поднять и убедился, что ему вполне по силам за две ходки дотащить их до костра. Арека, конечно, тут же бросилась помогать, и, пока они спорили, из-за туч вышла луна. В лесу от этого мрак словно еще больше сгустился, но вот речная гладь блеснула в переплетении ветвей, и Левмир замер. Он был уверен, что ему показалось. Но сердце забилось быстрее, бревно выскользнуло из рук, а последние слова Ареки пролетели мимо ушей.

– Тут жди, – велел он и двинулся к реке.

– Чего это? – насторожилась Арека. – А ты куда?

– Надо мне. Ну, надо, понимаешь? Подожди, скоро приду!

Идти пришлось недолго. В том месте, где он вышел из леса, маленькая заводь укрылась от посторонних глаз. Заметить ее с того места, где они ловили рыбу, было бы невозможно. Левмир остановился, потрясенный увиденным: у самой воды на корточках, подперев лицо ладонями, сидела И. Он узнал ее в темноте со спины, как узнал бы голубку среди воробьев.

А еще он сразу понял, что И не в духе. Она ведь знала, что он пришел, но даже не двинулась.

– Привет, – тихо сказал Левмир.

– Ага, – откликнулась чуть слышно И.

– А... А ты чего тут?

– Сижу.

– Вижу, что сидишь.

– А видишь, так зачем спрашиваешь?

Она так и не обернулась. Левмир подошел ближе, сел рядом, пытаясь заглянуть ей в лицо. Девочка покосилась на него и уставилась в противоположную сторону.

– У тебя что-то случилось? – Мальчик предпринял еще одну попытку разговорить таинственную подругу.

– Ага.

– А что?

– Ничего! – огрызнулась И. – Давай, беги к своей ненаглядной, а то она сейчас припрется.

Левмир не успел не то что слова сказать – даже понять сказанного не успел, как из лесу вышла Арека.

– Ну ты где пропал? – громко заговорила она. – У меня ветка погасла, будем сейчас впотьмах корячиться. Ой, а ты кто?

Разобиженная И не удостоила ее взглядом. Дернула плечами, будто сбрасывая надоевшую ношу.

– Кто надо, – отозвалась она. – Забирай этого и беги отсюда, пока горло тебе не перегрызла.

Арека не знала, что угроза вполне реальная. Она видела лишь девчонку, младше себя, которая ни с того ни с сего начала грубить.

– А ну иди сюда, я тебя хворостиной высеку, хамка такая! – прикрикнула Арека.

Левмир бросился между ними, задыхаясь от ужаса. Отец рядом, до него долетают голоса, он может прийти в любой

момент. Уж он-то, наверное, сразу поймет, кто такая И! Да она сама, кажется, не скрывалась. Что будет? Слышала ли она разговоры о восстании?

Несмотря на сумбур в голове, Левмир понял одно: нужно любыми путями успокоить девчонок. Или хотя бы заставить перейти на шепот.

– Арека, молчи! – зашипел он. – Это...

«Это» прыжком поднялось на ноги. Тонкая, но сильная ручка оттолкнула мальчишку.

– Ты кого хворостиной бить собралась? – взвизгнула И, сверля соперницу зелеными глазами. – Страшилище чумазое!

– А сама чего куклой вырядилась? – не осталась в долгу Арека. – Праздник, что ли? Аль топиться собралась?

Теперь И растерялась. Никто никогда не говорил с ней так. Она могла бы сейчас одним движением убить эту дерзкую девчонку, могла напугать ее до смерти... Но больше всего ей хотелось зареветь и убежать. Может, так бы она и сделала, если бы не Левмир. Он схватил ее за руку и тихо, но твердо сказал, обращаясь к Ареке:

– Прекрати орать! Это моя подруга, понятно?

И всхлипнула. Левмир покосился на нее – глаза на мокром месте. Зато теперь смотрела на него.

– Правда подруга? – жалобным голосом спросила И.

– Конечно, – кивнул Левмир.

И порывистым движением обняла его, зарылась лицом

в рубашку. Мальчик ощутил горячие слезы, мигом пропитавшие ткань. Он был слишком ошеломлен, чтобы сказать еще что-нибудь. Посмотрел на Ареку, и увидел, что в ее глазах тоже слезы. «Да что они все, сговорились, что ли?» – подумал мальчик.

Арека бросилась в лес. Она бежала не к костру, а в противоположную сторону – в деревню. Левмир хотел окликнуть ее, но так и не придумал, что крикнуть. Перевел беспомощный взгляд на И. Девочка подняла голову.

– Не дружи с ней больше! – с серьезнейшим выражением лица потребовала И. – Обещаешь?

– Обещаю, – кивнул Левмир. – Только... давай ее догоним, а? Надо объяснить все, чтобы она никому не разболтала. Понимаешь? Ну, про тебя. Ты ведь...

В глазах у девочки мелькнул страх. Она отстранилась от Левмира, вытерла слезы рукавом платья.

– Ты догадался? – прошептала она.

– Ага.

– Ой-ой... Ты не говори никому!

– Да я-то не скажу, а вот она...

– Жди!

И прыгнула в сторону леса, почти сразу исчезла. Облачко тумана поплыло, лавируя между деревьями.

– Настоящая! – шепнул Левмир.

Мысль, что она может заблудиться, посетила Ареку сразу, но лишь заставила стиснуть зубы. «И пускай!» – подумала.

Правда, быстро поняла, что полоса леса в этом месте узкая, с одной стороны – река, с другой – дорога. Если и заплутает, то со светом куда-нибудь да выйдет. Это открытие даже разозлило девочку, она в сердцах плюнула на бегу. Хотелось действительно заблудиться, да так, чтобы Левмир пошел искать. И нашел. Но было бы поздно, потому что...

Не успев дофантазировать, на полном ходу Арека врезалась в кого-то и упала. Кто-то ойкнул тонким голосом.

– Опять ты! – крикнула Арека, даже не задумавшись, как мерзкая девчонка ее обогнала. – Пошла вон с дороги!

– Нету здесь никакой дороги, – ответила девчонка. – Куда ты понеслась? Левмир сказал, тебя надо вернуть.

– Мало ли, что он сказал!

– Пошли назад, помогу добраться.

В этой части леса темно, как в погребе, даже силуэта собеседницы не разглядеть. Как Арека умудрялась бежать, не врезаясь в деревья, осталось загадкой для нее самой.

– Без тебя обойдусь! – огрызнулась Арека.

Она поняла, что ведет себя глупо. Пусть разозлилась на Левмира, но ведь его отец – староста. Если она пропадет, он тут же поднимет на ноги всю деревню. Арека представила брата, который, матерясь, ходит с факелом по ночному лесу. Представила, как мать с отцом попеременно зовут ее, сложив ладони рупором, а потом вполголоса обещают выпороть на сеновале. Нет здесь ничего красивого и таинственного. А убить себя, наверное, Арека никогда бы не осмелилась.

Развернувшись, она пошла в обратную сторону и немедленно споткнулась. Полетела бы носом в землю, если бы тонкие ручки не подхватили ее.

– Отстань, тебе говорят! – взвизгнула Арека.

– Расшибешься ведь.

– Ну и пусть! Тебе какое дело?

Арека снова оступилась, и на этот раз шлепнулась на землю, больно стукнувшись о выпирающий корень. Всхлипнула от бессилия.

– погоди ты! – сказал голос. – Сейчас попробую кое-что придумать.

Арека слышала в темноте шуршание, шепот. А потом забрезжил слабый огонек. Как будто далекая звездочка внезапно решила заглянуть в гости к людям. Огонек увеличился, стало видно, что отвратительная, похожая на куклу девчонка держит его в ладонях. Осветилось и ее лицо – она сосредоточенно вглядывалась в огонь и что-то шептала. Арека затаила дыхание.

– Пойдем! – Одной рукой девчонка продолжала держать голубоватый огонек, а другую протянула Ареке. Та, не без колебаний, приняла ее ладонь. Девочки пошли к реке.

– А ты кто вообще? – спросила Арека, заморожено глядя на пляшущий в ладошке девчонки огонек.

– И.

– Как?

– И.

– Это имя что ли?

– Ага.

– А полностью как?

– Никак. Неважно. Не скажу. Меня и так отец накажет, если узнает, что я огонь зажигала.

– Выпорет?

И метнула на Ареку выразительный взгляд.

– Это тебя, может, и выпорют. А меня накажут!

– Ну и как тебя наказывать? – Арека спросила совершенно искренне. Сейчас, в робком свете загадочного огня, она присмотрелась к проводнице и поняла, что не может даже вообразить сколь-нибудь строгое наказание для этого ухоженного, расфуфыренного создания. Ее хотелось посадить куда-нибудь на полку, кормить с ложечки, расчесывать и мнать наряды.

И промолчала. Тогда Арека снова переключила внимание на огонь.

– Как ты его зажгла? Ты колдунья? Откуда ты вообще?

– Фея, – улыбнулась И.

– Чего?

– Я – фея. Из фейной страны, где изумрудные деревья с золотыми ветками.

– И летать умеешь?

– Иногда.

– А ну покажи!

– А ну отвяжись! Пришли почти.

Они вышли к тем самым двум сухим бревнам, с которых все и началось. На одном из них сидел Левмир. Он поднялся навстречу девочкам, мирно идущим, взявшись за руки, и улыбнулся, переводя дыхание.

– Отец уже кричал, – сказал он. – Арека, пойдем скорей к костру. Ни слова про нее. Поняла? Никому!

Арека ответила не сразу. Она посмотрела на Левмира, на И, которая успела погасить огонек, прежде чем его заметил Левмир. По лицу мальчишки она видела, что тот так ничего толком и не понял. Но девочка-фея И точно знала, что за битва развернулась здесь сегодня. Знала и то, что победила.

– Поняла, – кивнула Арека.

– Жизнью поклянись! – потребовала И.

– Клянусь жизнью, никому про тебя не расскажу.

Левмир посмотрел в глаза И. Та кивнула.

– Идите, – тихо сказала. – Я буду ждать, как договорились. Хорошо?

– Я приду, – улыбнулся ей Левмир.

Отступив в тень, И почти сразу исчезла из виду. Ни шороха, ни треска – была и нету.

Арека все же взялась тащить второе бревно, не уступила Левмиру.

– Дурак ты, – бросила она мимоходом.

– Чего это? – обиделся мальчик.

– Того. «На рыбалку ходил!» Сказал бы честно, что с дев-

чонкой встречался. Я б не потащилась в эту скукотень.

Много спустя, когда горизонт начал сереть, Левмир, засыпая у костра, содрогнулся, сон как рукой сняло. Широко раскрытыми глазами посмотрел на лицо мирно спящей Ареки. Вспомнил обиду И, ее слезы. Загорелся и рухнул еще один мостик в детство: Левмир понял, что с ним случилось. Оказывается, он не помирил двух странных девчонок, а выбрал одну, отказав второй. В груди запоздало шевельнулось теплое чувство к Ареке, но чувство к И – куда сильнее.

Глава 7

Подальше от людей

Внизу шумел, играл, переливался бал, принцесса Ирабиль впервые являла себя обществу. Король Эмарис хотел спуститься к дочери, помогать, подсказывать, заботиться, понимая, насколько это глупо. Ирабиль получила прекрасное воспитание, и первый выход в свет не сможет ее озадачить. Эмарис провел с ней в зале немного времени, после чего гости – бароны и графы из разных городов – проводили взглядами удалившихся на совет лордов с королем во главе. Лорды заняли овальный стол в зале на третьем ярусе дворца. Темное и мрачное помещение с маленькими окнами, через которые даже днем не проникает достаточно света. Снаружи третий ярус – изящный цилиндр из голубого мрамора, будто кусочек неба, спустившийся на землю. В солнечный день на нем поблескивают золотые нити, искусно вплетенные в стыки камней.

Слуги зажгли свечи, появились подносы с пробирками, украшенными бронзовыми головами драконов. Мэросил, Олтис, Варэлл, Каммат, Атсама и Эрлот молча взирали на короля Эмариса. Он тоже молчал, глядя на них. На каждого по очереди, внимательно, будто читая мысли. Дольше всех взгляд монарха задержался на Эрлоте и Атсаме, севших напротив друг друга. И тот и другая отвели взгляды.

– Наш первый совет без Освика, – заговорил Эмарис.

Лорды склонили головы, выражая скорбь. Снова стало тихо. Наконец, голос подал лорд Эрлот:

– Мне тоже очень не хватает Освика, что бы вы все ни думали. Но, в конце концов, я просто сделал свое дело.

– Тебя никто не обвиняет, Эрлот, – отозвался Мэросил. – Но я хотел бы знать, нашли письма, о которых шла речь, или нет? Это ведь нас всех касается, не так ли?

На вопрос ответил король Эмарис:

– Он сжег все важные бумаги, так что – нет, ничего. Но сам факт того, что он жег бумаги, говорит о многом. Кроме того, удалось обнаружить книгу, которую он писал.

– «Хроники Алой Реки»? – удивился Олтис. – Но...

– Если бы, – перебил Эрлот. – Он писал другую книгу. Назвал ее «По ту сторону Алой Реки».

Лорды насторожились. Выражение, прозвучавшее сейчас, имело лишь одно известное всем значение: «после смерти».

– И что там? – поинтересовалась Атсама.

– Там – все то, что мы боялись обнаружить в письмах, – пояснил Эмарис. – Герцог Освик написал другую историю, ту, которую он надеялся рассказать людям. Тысячелетия жестокого гнета, кучка злобных вампиров, забравших власть в свои руки, несчастный народ, обреченный на прозябание в нищете и безграмотности...

За столом поднялся ропот. Лорды переглядывались, разводили руками.

– Я понимаю, как это звучит, – продолжал король. – Освик – мой старый друг, и тем неприятнее было узнать его взгляды. Подобные мысли скорее уместны среди новообращенных вампиров. Не успев толком распрощаться с прежней жизнью, они изо всех сил цепляются за нее. Создаются общества, строятся планы... Но с возрастом все проходит. В давние времена эти движения имели какой-то смысл. Благодаря им мы пришли к нынешней формации, когда человеческие ресурсы расходуются разумно.

Король Эмарис метнул быстрый взгляд на Атсаму, но та сделала вид, что ничего не заметила.

– Те времена, когда люди выпивались досуха по первой прихоти вампира, унесла Река. Некоторые из вас помнят, во что это превращалось. Бесконечные войны, грызня с себе подобными, даже стычки с людьми. Надо признать, мы стояли на грани. Теперь этого нет. Люди пользуются дарами природы спокойно, не боясь внезапной гибели от клыков вампира. Мы же спокойно пользуемся дарами людей. Я не мог предположить, что кто-то окажется недовольным. Не из нас. Или хотя бы не из лордов. Но удар пришел с неожиданной стороны. Возможно, расправа над Освиком вышла чрезмерно скорой. Возможно, все решилось бы иначе, при других обстоятельствах. Но он начал драться, и... Случилось то, что случилось.

Лорд Эрлот выдержал взгляд короля. Слишком долго смотрел на него Эмарис. Так долго, что Эрлот понял: король

знает. Может быть, не все. Может быть, не точно, но – догадывается.

– И что мы будем делать? – спросил Эрлот.

– Трое из вас, – сказал король, отвернувшись от Эрлота, – рождены вампирами. Двое – обращены в давние времена. И лишь один, не считая меня, вышел из Алой Реки на заре времен.

Король снова посмотрел на Эрлота. Тот кивнул.

– Герцог Освик был третьим и последним. Здесь, – король постучал пальцем по столу, – всегда заседали восемь. Восемь вампиров – власть. Сейчас нас семеро, и это означает нестабильность. Многие баронеты остались не у дел, и это становится опасным.

– Освик кормил целую свору паразитов, – пробурчал Мэросил. – Вампиры ему разве что не прислуживали.

– Если бы не Освик, обращенные стали бы серьезной проблемой, – возразил молчавший до сих пор Каммат. – Они каждый год появляются. Оставить их так – они начнут убивать людей в городе или пойдут в деревни. Это ведь было уже, не так ли? Я не считаю нужным напоминать.

– Ты не посчитал нужным оставить их там, где они были, получив свою часть, – усмехнулся Эрлот.

– А ты, можно подумать, оставил?

– Я не выхваляюсь. Герцог делал большое дело, но это его личный выбор. Мое мнение – нужна смертная казнь для новообращенных.

– Голосую «за»! – Атсама подняла обе руки, услышав предложение Эрлота.

– Они ведь ни в чем не виноваты! – вскинулся Варэлл.

– Люди тоже ни в чем не виноваты, – повернулся к нему Эрлот. – Вопрос выживания. Сильный диктует слабому, вот и вся история. Но я не об этом хотел...

– Хватит, – сказал король.

В зале стало тихо. Только музыка и смех доносятся снизу. Эмарис поднес ко рту пробирку. Струя крови вылетела из разверстой пасти дракона. Пустая склянка звякнула о поднос. Король окинул взглядом лордов.

– Очень скоро нас снова станет восемь. Да, речь о Паломнике, у которого пока нет настоящего имени. Когда он справится с заданием – войдет сюда и займет место Освика. Я хочу, чтобы вы осознали это, и чтобы не было никаких возражений. Он официально обращен герцогом Освиком и является наследником всех его регалий.

Атсама подавилась возгласом, вовремя сообразив закрыть рот обеими руками. Остальные молчали. Эрлот осмелился спросить:

– То есть, Паломник станет герцогом? Я правильно понимаю? Вампир, которому меньше сотни лет, станет указывать мне, вышедшему из Алой Реки, что делать и куда идти?

Король поднялся, упершись кулаками в стол.

– Он совершил паломничество к Алой Реке, – медленно произнес Эмарис. – Он вошел в ее воды и получил перво-

зданную силу. Он равен тебе, Эрлот. Он равен мне. И по нашим законам он наследует титул герцога. Я хочу, чтобы вы усвоили это, прежде чем я введу его сюда.

– Забавно, – пропела Атсама. – Мы почему-то думали, что подрастет наш дорогуша Эрлот.

Эрлот смерил ее взглядом, но Атсама улыбнулась и добавила:

– Он ведь так старался тогда, с Освиком. И вот, надо же, новорожденный выскочка пролез вперед.

– Хочешь что-то сказать, Атсама? – повернулся к ней король.

– Нет-нет, ничего, – замахала она руками. – Разве что как бы новенький не повторил ошибку Освика.

– Ты обвиняешь меня в фальсификации? – поднялся Эрлот. – По-твоему, я подставил Освика?

– Спокойно! – Король заговорил громче. – Никто никого ни в чем не обвиняет. Никакой смертной казни для новообращенных не будет. И кандидатура Паломника не обсуждается. Я хочу, чтобы вы все по очереди, глядя мне в глаза, сказали, что принимаете порядок таким, какой он есть. Нравится или нет – другой вопрос. Вы должны принять факт и следовать дальше, исходя из него. Эрлот?

Лорд Эрлот после непродолжительной внутренней борьбы склонил голову.

– Мэросил? Олтис? Варэлл? Каммат? Атсама?

Все кивали, принимая слова короля. Атсама сказала

с усмешкой:

– Что ж, Паломник – парень симпатичный. Я думаю, мы с ним поладим.

Король опустил в кресло и развел руками.

– Если все так, то я не вижу смысла тянуть. Бал в самом разгаре, давайте спустимся и повеселимся.

– При всем уважении, – заговорил Эрлот. – Вы так и не дали мне сказать слово. Я хотел спросить, что мы предпримем теперь, когда знаем, над чем работал Освик? Эта угроза...

– Угрозы нет, – отрезал Эмарис. – Все, что делал Освик, сгорело вместе с ним. Совет окончен.

С каменными лицами лорды поднялись с мест. Согласно этикету, подождали, пока король обойдет стол, и двинулись вслед за ним к выходу. Эрлот и Атсама шли последними. Улучив момент, они переглянулись. Эрлот хмуро кивнул. Атсама улыбнулась, обнажив клыки.

***

Принцесса Ирабиль в одном из лучших платьев стояла спиной к освещенному тысячами свечей, исполненному музыки и смеха залу. Взгляд девочки стремился в сторону пруда, где – она знала это наверно – сидел на скамье Аммит и смотрел на звездное небо. Ирабиль мечтала оказаться там, предпочла бы очередной урок следующему танцу. Но дочь короля не может оставить общество. Даже то, что она отвер-

нулась от них сейчас, может иметь неприятные последствия. Принцесса вздохнула, и тут же ощутила чье-то присутствие рядом.

– Окажете мне честь? – произнес юноша с темно-коричневыми зачесанными назад волосами. Именно волосы позволили принцессе определить, кто это.

– Конечно, Мэросил, – сказала с улыбкой, не выходящей за рамки этикета.

По лицу юноши стало заметно, что он разочарован.

– Не думал, что вы меня узнаете...

– Хотите оскорбить мой ум?

– Хотел вам понравиться – и только.

– Что ж, даю еще один шанс. – Принцесса взяла предложенную руку, и они быстро влились в круг танцующих пар.

Мэросил, глядя на задумчивое лицо принцессы, спросил:

– Вам, должно быть, здесь скучно?

– Иногда, – согласилась Ирабиль.

– Может быть, если вы захотите, я бы как-нибудь пригласил вас прогуляться по городу...

– Я вполне могу сама прогуляться по городу, – перебила принцесса. – Если хотите меня развлечь – придется придумать что-нибудь пооригинальнее.

– Намекните! – улыбнулся Мэросил.

– Охота на людей.

Принцесса смотрела прямо ему в лицо, и Мэросил не сумел скрыть гримасы ужаса и злости.

– Что вы имеете в виду? – переспросил, заикаясь.

– Ничего, – улыбнулась принцесса. – Просто болтаю. Несу чушь, как и полагается ребенку в двенадцать лет. Вряд ли вы можете рассчитывать, что король одобрит наш брак, Мэросил.

– Да, я уже понял, – пробормотал юноша.

– Музыка закончилась.

Оркестр действительно умолк, они застыли посреди зала. Руки Мэросила, дрогнув, опустились. Поклонившись, лорд направился к выходу. Когда он обернулся, то уже не походил на юношу. Волосы посерели, лицо огрубело – Мэросил принял привычный облик.

Принцесса перевела дух. Мимо проходили двое слуг с подносами. Первого, на подносе у которого стояла подставка с пробирками, Ирабиль отослала прочь жестом руки. Второго, с крошечными бутербродиками, подозвала. Судя по нетронутой горе бутербродиков, ни у кого, кроме принцессы, сердце здесь не билось.

Оказавшись в относительном одиночестве, Ирабиль с грустью подумала, как тяжело быть ребенком среди древних вампиров. Так же тяжело, как и быть дочерью короля. Никто и никогда не заговаривал с ней просто так. Несколько лет назад Ирабиль еще могла многое принять за чистую монету, но теперь за каждым обращенным к ней словом она видела целую череду мотивов и желаний.

Она хотела смеяться. Хотела танцевать при луне на полян-

ке у ручья, громко кричать, бегать и прыгать. А вместо того стояла здесь, украдкой жуя бутерброд и тщательно отмеряя каждому положенную порцию вежливой улыбки. По одному танцу на каждого надутого от собственной важности зануду. Бал, которого она ждала с таким нетерпением... Но все наскучило после первого танца. Не было праздника. Все пришли сюда решать проблемы, и каждый норовил втравить в это ее. Принцессе пришлось вежливо отклонить несколько записок, два разговора об истощающихся деревнях и четыре тонких намека на какие-то необходимые реформы. Очередной проситель, подойдя, сперва смотрел на принцессу с сомнением, будто размышляя, можно ли уже сейчас использовать ее в своих интересах. Прислушается ли к ней король? Но, поскольку большинство из них были до такой степени стары, что не видели существенной разницы между пятью и пятьюдесятью годами, в конце концов решались.

– Не скучаешь, милая?

Принцесса вздрогнула. Отец подошел незаметно, протянул дочери руку.

– Подаришь один танец?

– Разве что один, – с каменным лицом изрекла принцесса и небрежно вложила теплую ладонь в его холодную длань. Они посмотрели в глаза друг другу и рассмеялись.

– Ты безупречна! – воскликнул король, закружив принцессу в танце. – Надеюсь, первый бал не очень тебя расстроил?

Ирабиль поморщилась и пожала плечами.

– Не знаю, папа. Скажи, а что мне делать, когда я вырасту?

Вопрос нисколько не озадачил отца.

– Ты унаследуешь все, что есть у меня, как только войдешь в силу. Если, конечно, захочешь.

– А если нет? Или даже захочу... Кто будет рядом со мной, папа?

Король прочел в глазах дочери недетскую боль, и брови его сдвинулись. словно осенние листья, медленно, неохотно облетели мысли об управлении государством. Он пытался понять Ирабиль, но не мог.

– Помоги мне, дочка, – попросил. – Я не знаю, что тебя беспокоит.

Принцесса просияла. Она любила отца за искренность и за искреннее желание помочь.

– У меня никого нет, кроме тебя и Аммита. Ни друзей, ни... – Она сделала паузу, подбирая нужное слово, но, не найдя подходящего, произнесла то, что было на языке:

– Ни любимого.

Король долго молчал. В мыслях он уносился все дальше и дальше в прошлое. Вспоминал жену – мать Ирабиль.

– Нас слишком мало, чтобы каждый мог найти любовь, – тихим голосом ответил король. – Большей частью все мои подданные одиноки.

– У тебя ведь была мама. – Принцесса тоже понизила голос.

– Мама умерла.

Танец закончили в молчании. Король повернулся, чтобы пройти сквозь строй приготовившихся к атаке просителей, но Ирабиль удержала его за рукав.

– Папа, а если я полюблю человека? – и затаила дыхание, ошарив от собственной смелости.

Эмарис остановился, глядя на дочь. Принцесса, нахмурившись, ждала ответа.

– Его жизнь промелькнет перед тобой, как молния, – сказал король. – А если ты сделаешь его подобным себе, то не сможешь быть с ним.

– Почему? – Глаза принцессы раскрылись слишком широко. Король заметил в них испуг, и мысленно застонал. Ну почему, почему так рано?

– Потому что он станет твоим сыном, Ирабиль. Я не могу этого объяснить, а ты не сможешь понять. Это можно лишь ощутить за миг до того, как свершится обращение. Ни он не захочет разделить с тобой жизнь, ни ты этого не захочешь. Поэтому – держись от людей так далеко, как только можешь.

Одна, совсем одна посреди забитого вампирами зала, девочка не могла совладать с дыханием. Душили слезы. Подавив рыдание, Ирабиль остановила сердце. Миг – и все стало иначе. Ушла боль. Изящным танцевальным движением принцесса подскочила к слуге, взяла с подноса пробирку и осушила. Кровь приятно вскружила голову, и вот принцесса, улыбаясь, танцует с лордом Олтисом. Бал продолжается.

***

Первая смерть от малокровия постигла Сатвир в конце лета. Умерла взрослая женщина, которой до выхода из возраста донации оставалось всего-то пять лет. По слабости здоровья она за всю жизнь не выносила ни одного ребенка, и скорбел по ней только муж. Староста Лакил, как полагалось, засвидетельствовал смерть и лично отвез тело в город. Потянулись дни ожидания. Но все так же шли повестки, все так же лилась кровь из человеческих вен в ненасытную пасть лорда Эрлота.

Бледные злые люди собирались в доме у Саната каждый день. Говорили мало, потому что все уже обсудили. Но им было важно встречаться, видеть друг друга и читать на лицах соседей уверенность. Муж умершей женщины присоединился к собранию, хотя раньше посмеивался над «горе-воиками», как называл общество Саната. Теперь смеха не осталось. Он выслушал все, что говорил Санат, и получил немного чеснока у матери Саквобета и Ареки.

Однажды утром, выйдя из дома, Левмир увидел щетину стрелок чеснока, пробивающихся из грядочек под окнами. Стоял и смотрел, как медленно лезет из земли смерть. Мальчик направился к Санату, и такую же поросль увидел у него под окнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.